

Е. Т. СОКОЛОВА

*Мотивация
и восприятие
в норме
и патологии*

**Издательство
Московского
университета 1976**

Предисловие

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО СОВЕТА
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

профессор, доктор психологических наук
Б. В. ЗЕЙГАРНИК,

старший научный сотрудник,
кандидат медицинских наук
В. Я. КРИТСКАЯ

Соколова Елена Теодоровна. Мотивация и восприятие в норме и патологии. М, Изд-во Моск. ун-та, 1976. 128 с.

В монографии дается обзор теоретических и экспериментальных работ по изучению роли мотивационных факторов в восприятии, представлены результаты исследований некоторых особенностей восприятия у больных с патологией мотивационной сферы.

Книга может быть интересна патопсихологам, психологам и всем интересующимся проблемами личности.

Выполнение многих видов практической деятельности предъявляет сегодня повышенные требования к сенсорной и перцептивной системам человека. В этой связи большое значение приобретает изучение условий, обеспечивающих оптимальное решение тех или иных перцептивных задач. Практика показывает, что здесь не последнюю роль играет отношение человека к стоящим перед ним задачам. Психологам известно, что эффективность выполнения даже относительно простых заданий (например, опознание сигнала в ситуации выбора) зависит от значимости сигнала для испытуемого. Роль «личностного фактора» особенно возрастает при осуществлении деятельности в совершенно необычных условиях — в безориентирном пространстве, невесомости и т. д. Именно поэтому представляется актуальным изучение личностного аспекта восприятия — его зависимости от отношений, складывающихся в деятельности, от мотивов, ее побуждающих. Однако подобные исследования предпринимались пока не часто. Предлагаемую вниманию читателя работу можно рассматривать как одну из попыток исследования такого рода.

Проблеме влияния мотивации на познавательные процессы и восприятие, в частности, уделялось внимание во многих зарубежных концепциях мотивации. Интерес к ней особенно возрос после второй мировой войны в связи с экспериментальным направлением в американской психологии, получившим название New Look («новый взгляд»). В данной работе с позиции деятельностного подхода дается критический анализ основных достижений New Look, а также концепций, послуживших теоретической базой этого направления.

В качестве реализации деятельностного подхода автором предпринята попытка эксперимен-

10508—i 30

077(02)—76¹⁴ — 16

(П) Издательство Московского университета, 1976 г.

тального исследования восприятия в условиях разной мотивации. Обращение при этом, к материалу патологии не случайно и продиктовано следующим. Патопсихологическими исследованиями показано, что те или иные нарушения при психическом заболевании не выступают изолированно, а, как правило, связаны с более общими изменениями личности и деятельности больного (А. Р. Лурия, Б. В. Зейгарник, С. Я. Рубинштейн и др.). Это подтверждают и результаты, полученные автором; они указывают также на разную структуру перцептивной деятельности в норме и патологии.

Вполне отдавая себе отчет в том, что не все вопросы, поставленные в работе, получили достаточно освещение, автор вместе с тем надеется, что публикация книги привлечет внимание психологов к этой малоизученной, но чрезвычайно важной проблеме.

Пользуясь случаем, автор приносит глубокую благодарность академику АПН СССР А. Р. Лурия, профессору Б. В. Зейгарник, доктору психологических наук С. Я. Рубинштейн за помощь в реализации этого исследования.

а

Проблема мотивации познавательных процессов в зарубежной психологии

Проблема мотивации познавательных процессов, их связи с личностью неоднократно обсуждалась в зарубежной и отечественной психологии. Не претендуя на исчерпывающее изложение всех концепций, мы ставили своей задачей нахождение теоретического обоснования, методологии тех экспериментальных исследований в зарубежной психологии, которые известны сейчас под названием New Look (NL). С этой целью нам пришлось обратиться к анализу некоторых положений фрейдизма, «психологии я» и ряда других теорий.

КОНЦЕПЦИЯ ПЕРВИЧНЫХ И ВТОРИЧНЫХ ПРОЦЕССОВ В РАННЕМ ПСИХОАНАЛИЗЕ

Одним из важных пунктов в теории психоанализа считается введенное в 1911 году З. Фрейдом различение «первичных» и «вторичных» психических процессов. С формальной стороны, первичные процессы характеризуются отсутствием временной перспективы и сосуществованием противоречащих друг другу идей. В содержании первичных процессов непосредственно обнаруживаются «глубинные» агрессивные и сексуальные тенденции индивида; вторичный же процесс способен отразить объективные закономерности внешнего мира независимо от потребностей самого человека (Фрейд,

1951). В восприятии, например, первичный процесс проявляется в примитивной организации самого процесса восприятия и селективности в отношении специфических объектов действительности, связанных с реализацией соответствующей потребности личности; вторичный же процесс характеризуется более эффективной координацией перцептивного образа с качествами объекта.

В разделении на первичные и вторичные процессы находят свое выражение сформулированные Фрейдом два закона психического функционирования: принцип удовольствия и принцип реальности (Фрейд, 1924, 1925). Как известно, принцип удовольствия, генетически первичный механизм, призван направлять поведение и течение психической жизни в сторону поиска наслаждений и избегания страданий. Принцип удовольствия непосредственно связан с областью бессознательных инстинктивных влечений «оно». Детерминированные этим принципом первичные психические процессы не знают социальных и культурных запретов, сознательных целей, не способны переносить задержки в удовлетворении потребностей. Чувственное восприятие, моторная деятельность, память и мысль подчинены инстинктивным сексуальным и агрессивным тенденциям. Сны и фантазии, раннее детство — вот сферы, где принцип удовольствия властвует безраздельно. Очевидная несовместимость требований «оно» с условиями жизни в современном обществе порождает новый механизм психического функционирования — принцип реальности. Его цель — установление «беспристрастного» соответствия между реальностью и содержанием психики.

С введением принципа реальности окончательно обособляются и противопоставляются друг другу два типа психических процессов: первичные — мотивированные, тесно связанные с аффектом, и вторичные — ориентированные на требования реальности и как будто не имеющие собственной мотивации. В дальнейшем это противоречие станет отправным пунктом ревизии фрейдовского психоанализа со стороны «психологии я». Принцип реальности в концепции Фрейда не объясняет наличия у человека мотивов, детерминированных объективной реальностью, социальных по своей природе. Социальная действительность вообще не рассматривает-

ей в качестве источника мотивации; эту роль выполняют внутренние глубинные побуждения. Принцип реальности никоим образом не устраняет принципа удовольствия, а скорее подкрепляет его. Сообразуясь с требованиями реальности, он лишь делает социально приемлемыми все те же либидозные и агрессивные влечения. «Я», таким образом, стремится не столько к объективному отражению внешнего мира, сколько к соответствию его желаниям «оно». Так же как в поведении, из акта мышления и восприятия индивид старается извлечь максимум удовольствия и достигает этого либо путем символического удовлетворения потребности, либо искажением реальности в угоду принципу удовольствия. Именно поэтому так часты «поломки» нормального функционирования психики — забывания, оговорки, неверные восприятия. Примечательно, что первые экспериментальные исследования влияния мотивации на восприятие были вдохновлены именно этими идеями З. Фрейда (Левин, Чейн, Мерфи, 1942; Шафер и Мерфи, 1943; и др.).

Е. Блейлер, развивая концепцию З. Фрейда, окончательно развел и противопоставил два типа познавательных процессов: аутистические и реалистические. «Аутистическое мышление, — пишет Блейлер, — практически является поиском представлений, окрашенных удовольствием и избеганием мыслей, связанных с болью, и тогда становится попятным, что Фрейд мог описать вполне аналогичное, но только более узкое понятие под названием механизмов, связанных с удовольствием» (Блейлер, 1928, стр. 16). Реалистическое мышление, по Блейлеру, представляет действительность; его цель — нахождение истины и одновременно адаптация индивида. Аутизм (аутистическое мышление) представляет то, что соответствует приятному аффекту и вытесняет неприятное. Первое управляется действительностью и следует законам логики; второе стремится к осуществлению желаний и потому алогично. Иногда аутистическое мышление и реалистическое мышление выступают как антагонисты — там, где в силу каких-то причин аффект получает перевес, логическое мышление подавляется или извращается в духе аутизма. Однако между этими формами мышления нет резкой границы, так как в обычное мышление и те, кто проникают аутистические элементы.

Мы не будем подробно останавливаться на критике концепции Е. Блейлера — ее подробный анализ и критика известны (Выготский, 1956; Зейгарник, 1962; и др.). В контексте нашей проблемы представляется интересным отметить лишь следующий факт. Согласно Блейлеру, потребности детерминируют лишь аутистическое мышление. В таком случае, какие побудительные моменты стоят за реалистическим мышлением? Казалось бы, Блейлер готов признать наличие у человека собственно познавательных потребностей, толкающих его на «нахождение истины». Однако он не приходит к такому выводу прежде всего в силу ограниченного понимания самого психологического содержания потребности. Потребности (аффекты) — это врожденные и неизменные образования, все многообразие которых для Блейлера исчерпывается их поляризацией на «приятные» и «неприятные». Суть не в том, что реалистическое мышление не побуждается потребностями, а в том, что сами потребности развиваются, изменяются способы их удовлетворения, вырастают из практической деятельности новые.

Резюмируя вышеизложенное, следует признать, что в рамках классического психоанализа не удалось методологически адекватно сформулировать и решить вопрос о взаимосвязи мотивации и познавательных процессов; в сущности, он растворился в глобальной проблеме «сознательного» и «бессознательного». Постулирование двух принципов психического функционирования обусловило и специфическое понимание мотивации. Решающее значение приписывалось мотивам, связанным с глубинными образованиями личности, гедонистическим по своей природе и неосознаваемым по механизму действия. Вместе с тем мотивы, порожденные социокультурными условиями среды, как бы лишались динамического потенциала и интимно-личностной значимости, выступали как безразличные, а подчас и враждебные самой личности.

Непродуктивность подобного подхода с особой наглядностью обнаруживалась при попытке наметить пути развития высших психических функций. По мнению некоторых авторов (Пиаже, 1932; Рапапорт, 1951; и др.), ранние детские впечатления неотделимы от аффекта; последний является как бы «матрицей» детского опыта,

Эта первоначальная недифференцированность психических структур порождает аутизм, т. е. почти абсолютную обусловленность психической деятельности аффективными потребностями ребенка. Аутизм — это примат «субъективного» над «объективным», его наличием объясняют отсутствие у ребенка четкого различения «я» и «не-я», нечувствительность к противоречиям, неприспособленность к действительности (Пиаже), направленность психических процессов на удовлетворение потребностей и «избегание» неудовольствия (Рапапорт) и т. д. Эти признаки отличают как аутистическую мысль, так и аутистический образ. Отсюда вытекает взгляд на развитие как социализацию, в ходе которой аутистические формы психики вступают в противоречие с действительностью. К тому же взрослые не склонны поощрять мечтательность, и во избежание наказаний ребенок вынужден стать «реалистом». Так социализация вытесняет аутизм. Между тем уже Е. Блейлер обратил внимание на несоответствие концепции первичного аутизма фактическому ходу детского развития. Л. С. Выготский также считал, что «аутистическое мышление в генетическом, структурном и функциональном отношениях не является той первичной ступенью, той основой, из которой вырастают все дальнейшие формы мышления» (Выготский, 1956). Как известно, именно практическое, наглядно-действенное мышление представляет первую стадию развития интеллектуальной деятельности. Это утверждение несколько не умаляет значения эмоций в жизни ребенка, но выводит их причину не из исходной асоциальности ребенка, а из своеобразия его отношений с действительностью. Непосредственная, практически действенная форма отражения и является основой эмоциональности ребенка. Взрослый не менее «аффективен», чем ребенок, но его аффект имеет иную структуру и иное содержание. Аффект не вытесняется в процессе социализации, а качественно преобразуется, дифференцируется, вступает в новые отношения с «интеллектом».

Мы позволили себе затронуть вопрос о психическом развитии, поскольку именно здесь обнаруживается слабость психоаналитически ориентированных концепций мотивации. Ни генетически, ни функционально нельзя противопоставить друг другу аффективную и познавательную сферы личности. Мышление (равно как и вос-

приятие), оторванное от потребностей, и мышление, детерминированное исключительно ими,— явления патологические; они только подтверждают факт нормальной взаимосвязи «аффекта» и «интеллекта».

Из концепции аутизма следуют два важных положения: во-первых, мотивированными являются лишь процессы, связанные с удовлетворением либидозных потребностей, и, во-вторых, как детерминанта поведения и психической деятельности, мотивация проявляет себя во всякого рода «поломках». Используя разработанную Фрейдом модель личности, можно сказать, что источником мотивации выступает исключительно область бессознательных влечений «оно».

Концепция мотивации в «психологии я»

С конца 30-х годов в связи с развитием «психологии я» вопрос о мотивации познавательных процессов вновь привлекает внимание психологов (Гартман, 1951; Рапапорт, 1967; и др.)- Гартман считал, что классический психоанализ незаслуженно мало уделял внимания изучению «вторичных процессов» — восприятию, мышлению и пр. Внешний мир — это не только сила, благоприятствующая или затрудняющая проявление инстинктивных влечений, а реальность, к которой индивид должен приспособиться. В этой связи познавательные процессы рассматриваются прежде всего как средства активной адаптации.

В схеме классического психоанализа основной задачей «я» считалось урегулирование конфликта между «оно» и «сверх-я» посредством механизмов защиты. Теперь внимание акцентируется на функциях «я», непосредственно не связанных и не выводимых из инстинктивных влечений и конфликтов, «функциях я — свободных от конфликтов» — реалистическом мышлении и восприятии. В свете этих идей более сложным становится представление о мотивации. Инстинктивные влечения остаются базисом, но не единственным видом мотивации. В ходе приспособления субъекта к реальности непосредственная «разрядка» влечений в поведение и психические процессы оказывается невозможной. В результате «задержки» влечений и возникают сначала произ-

полные формы мотивации первого порядка — механизмы *lanum.i*. Затем эта мотивация вновь подвергается преобразованию, порождая механизмы контроля. Таким образом возникает иерархическая структура мотивации, и которой высший уровень наиболее контролируем и по отношению к низшим выполняет регуляторные функции. В зависимости от характера ситуации и задачи вовлекаются те или иные уровни мотивации, те или иные формы «канализирования» базисных влечений. Если в первичных процессах потребности разряжаются прямо и непосредственно (в форме «конденсации», «символизации» и пр.), то во вторичных процессах их разрядка опосредствована механизмами защиты и контроля.

Развитие «я» рассматривается как процесс образования «структур» (вторичных процессов и аппаратов контроля), их иерархизации и приобретения все большей автономии (Рапапорт, 1967). Познавательные процессы становятся все более независимыми от базальных влечений и подчиняются контролю со стороны «когнитивных структур». Последняя представляет собой относительно стабильные индивидуальные «стили» когнитивной адаптации.

Представление о мотивации как о иерархической структуре снимает противопоставление первичных (мотивированных) и вторичных (немотивированных) психических процессов, поскольку мотивированы те и другие, а различны лишь формы мотивации. Д. Рапапорт, например, формулирует так называемую проективную гипотезу, согласно которой все поведение человека проективно (мотивировано): даже то, чем человек окружает себя, даже убранство его жилища позволяет увидеть «стержень» его личности. Представители «психологии я» уже не считают, что мотивация исчерпывается либидозными потребностями, а ее влияние на познавательные процессы сводится к искажениям аутистического характера. Мотивация в своих высших формах проявляется в *организации* психических процессов, в структуре видов психологической защиты и контроля.

В отечественной психологической литературе дается отрицательная оценка вклада «психологии я» в разработку теории познавательной деятельности (см., например, Ярошевский, 1971). Вместе с тем нельзя не отметить, что исследования Х. Гартмана, Д. Рапапорта и

других способствовали рождению нового для зарубежной психологии подхода к исследованию личности — через анализ структуры познавательных процессов. Этот подход был реализован в циклах работ Г. Виткина, а также меннингерской группы психологов — Ж. Клейна, Р. Гарднера и др. Многие идеи «психологии я» послужили обоснованием проективных методов исследования личности.

Несколькими годами раньше и независимо от работ Рапапорта сходные идеи развивает Гордон Олпорт (1937, 1943, 1961). Непосредственное отношение к проблеме мотивации имеют сформулированный им закон функциональной автономии мотивов, положения о роли «включенности я» и понятие «стиля» поведения. Закон функциональной автономии мотивов утверждает относительную независимость высших мотивов от генетически родственных им витальных потребностей и тем самым пытается объяснить многообразие мотивов развитой личности. Развитие личности, по Олпорту, предполагает прежде всего формирование системы высших ценностей, составляющих неотъемлемую часть «я». Всякая деятельность рассматривается Олпортом как решение задачи, в той или иной степени затрагивающей «систему я». Вовлеченность «системы я» означает более высокий уровень активности, а кроме того, степенью «включенности я» определяются эффективность и продуктивность самой деятельности. Это относится и к познавательным процессам — эксперименты New Look прекрасное тому подтверждение. Постмен, Брунер и Мак-Чини в 1948 году показали различие в порогах опознания слов, имеющих высокую и низкую ценность для испытуемого (по тесту Олпорта — Вернона). В дальнейшем в работах NL моделирование условий «включенности я» стало одним из методических принципов построения эксперимента. С этой целью создавалась такая игровая ситуация, в которой возникали ощущения тревоги, фрустрации или успеха (Постмен и Браун, 1952; Нюттен, 1955; В. Гамильтон, 1957; Спенс, 1957; Лазарус, Эриксен и Фонда, 1959; и др.), а также инструкции с указанием на значимость достижений испытуемого для оценки его способностей (Вервиль, 1946).

Положение Г. Олпорта о роли «включенности я» можно рассматривать как развитие теории и экспери-

ментальной практики К. Левина. Олпорта, так же как и Левина, в первую очередь интересует «система я», т. е. уровень социальных потребностей и мотивов. Не случайно Олпорт рассматривает «систему я» как автономную от инстинктивных влечений.

Под «включенностью я» подразумевается заинтересованность социализированных, ориентированных на реальность образований личности — отношений, ценностей, уровня притязаний и пр. Столь же продуктивным оказалось введенное Олпортом понятие экспрессивного стиля — совокупности установок или инструментальных черт, отражающих индивидуальные особенности личности и обуславливающих «уникальность» ее поведения и способов адаптации. Все эти моменты необходимо иметь в виду для понимания методологии экспериментальных исследований, которые будут изложены в следующей главе. В целом можно выделить три экспериментальных подхода, методологией которых служат проанализированные здесь концепции.

1. Выбор в качестве мотивационных факторов основных витальных потребностей (включенность «оно») и изучение их влияния на перцептивные процессы. Этот подход был реализован в цикле исследований аутизма восприятия и перцептивной защиты.

2. Изучение высших форм мотивации — видов когнитивного контроля и когнитивного стиля.

3. Моделирование «включенности я» и изучение ее влияния на восприятие. Этот методический прием в экспериментальных исследованиях не выступает как самостоятельное направление, а используется внутри первых двух подходов.

III

Экспериментальное изучение роли мотивационных факторов в восприятии

В истории психологии восприятие всегда было предметом многочисленных теоретических и экспериментальных исследований. Однако несмотря на бесспорные достижения в этой области и богатый экспериментальный материал, природа восприятия до сих пор остается во многом нераскрытой. Это касается прежде всего «детерминант» перцептивного образа и роли активности субъекта в процессе восприятия. Каковы источники и механизмы этой активности, на каких уровнях функционирования перцептивной системы их надо искать? А может быть, активность привносится в восприятие за счет действия «экстраперцептивных» факторов — значения, внимания, мотивации и эти последние так же детерминируют образ, как и объективные свойства объекта?

Исторически первые доказательства активности субъекта представила психофизика в сообщениях о флуктуации порога, ошибках «ожидания», «привыкания» и т. п. (см. сб.: «Проблемы и методы психофизики», 1974). Эти данные расценивались долгое время как артефакты, с ними пытались бороться, совершенствуя процедуру эксперимента.

В классических работах по изучению восприятия, его скорости, точности, объема также старались «стерилизовать» условия эксперимента. Именно поэтому в качестве перцептивного материала бра-

чип, бессмысленные слоги, буквы, цифры, простые геометрические фигуры. Инструкция предлагала испытуемому быть нейтральным, точным, внимательным и как можно менее «пристрастным». Недостаточность подобных построений особенно ярко проявлялась в экспериментах, где испытуемому предъявлялись более сложные объекты, например, так называемые двусмысленные фигуры, или сюжетные изображения. Оказалось, впрочем, что всякий перцептивный материал может быть и той или иной степени чувствителен к выявлению разного рода субъективных факторов. О. Кдольпе уже в 1904 году представил на конгресс по прикладной психологии сообщение об одном своем эксперименте, где испытуемые преимущественно замечали те признаки предъявляемых техистоскопически слогов, в отношении которых они были осведомлены в предэкспозиции. Опыты Кюльпе сделали очевидной зависимость содержания восприятия от состояния готовности субъекта в момент

восприятия.

К. Далленбах (1920) и другие представители функционально-психологического направления подчеркивали влияние на восприятие таких моментов, как прошлый опыт и установка субъекта (которые характеризовались как синтетические и аналитические, пассивные и активные и т. п.).

Медленно, но неуклонно продолжали накапливаться факты, свидетельствующие о роли перцептивного научения, экспериментальной задачи и установки в организации восприятия и характере перцептивного ответа (см., например, обзоры Верной, 1952; Солли и Мер фи, 1960).

Эти, а также некоторые другие исследования, безусловно, способствовали дискредитации концепций, в которых качества стимуляции считались единственной детерминантой восприятия. Однако разрозненные исследования, не имеющие твердой теоретической программы, не могли ни изменить общего направления экспериментальных работ, ни создать новый подход. Они лишь подготовили для него почву. В конце 40-х годов в США оформилось направление, подвергшее пересмотру многие постулаты классической психофизики и теорий восприятия. Оно объединило психологов самых различных ориентации, теоретиков и экспериментаторов, клиници-

стов и «академических» психологов. Усилия этих исследователей были направлены на разработку одной проблемы — активной природы восприятия. Причем источник активности следовало искать, по их мнению, не на уровне нейрофизиологических механизмов или сенсо-тонических установок (Г. Вернер и С. Вернер, 1955), а на уровне целостной личности и ее взаимоотношений с социальным окружением. Само восприятие рассматривалось ими как выражение мотивов, целей, намерений и установок личности.

*ТЕОРИЯ НАПРАВЛЯЮЩИХ СОСТОЯНИИ.
ПЕРЦЕПТИВНАЯ ЗАЩИТА
И ПЕРЦЕПТИВНАЯ СЕНСИБИЛИЗАЦИЯ*

Исследования, проведенные в рамках New Look за последние 25—30 лет, далеко не однородны, как неоднороден и их теоретический фундамент. Мы рассмотрим два больших направления: одно из них связано с разработкой проблемы перцептивной защиты (Дж. Брунер, Л. Постмен, Р. Лазарус, Ч. Эриксен, Е. Мак-Гини), другое — с изучением индивидуальных различий в познавательных процессах (Г. Виткин с коллегами, а также меннигерская группа — Ж. Клейн, Р. Гарднер и др.).

Первый этап экспериментальных исследований NL был связан с изучением влияния директивных состояний (directive states) на процесс восприятия. Классики гештальтпсихологии изучали главным образом детерминированность восприятия со стороны «объективных» факторов», и прежде всего структурных качеств стимуляции. Между тем в определенных условиях — острой органической потребности или когда опознание стимула затруднено — налицо действие иных, субъективных моментов. Это заставляет предположить существование двух различных механизмов или детерминант восприятия. Брунер и Постмен предлагают различать аутохтонные и директивные детерминанты. Первые присущи самой перцептивной организации индивида, определяются свойствами сенсорной системы и отвечают за формирование относительно простых качеств объекта. Директивные факторы лежат вне формальных границ сенсорики,

)То так называемые экстрасенсорные, или центральные, детерминанты; они включают обучение и мотивацию, диспозиции и черты личности. Что именно воспринимается организмом в данный момент, определяется компромиссом между тем, что презентует аутохтонный процесс, и тем, что выбирает директивный (Брунер и Креч, 1962). Понимание перцептивного процесса во всей его целостности требует учета как собственно сенсорных, так и центральных моментов.

Иллюстрацией этих положений служит одна из ранних работ Брунера по влиянию социальных ценностей на оценку некоторых свойств предметов (Брунер и Гудмэн, 1947). Экспериментальной проверке была подвергнута следующая гипотеза: чем больше социальная ценность объекта и чем больше потребность человека в социально оцененном объекте, тем большая роль в процессе восприятия принадлежит поведенческим факторам. В эксперименте 10-летним детям предлагались для восприятия различные объекты, размер которых надо было воспроизвести после экспозиции. В экспериментальных группах детей просили прежде всего воспроизвести размеры монет различной ценности по памяти, а затем после показа их на экране. В контрольной группе детям предъявлялись для оценки картонные диски. Полученные результаты показали, что дети в экспериментальной группе значительно переоценивали размеры объектов (монет) по сравнению с детьми контрольной группы. Причем дети бедных родителей переоценивали размеры монет больше, чем дети богатых родителей. Заслуга этой несколько наивной работы заключалась прежде всего в постановке вопроса о роли так называемых экстрасенсорных факторов в восприятии. В частности, дальнейшими исследованиями было показано, что стимулы, наиболее релевантные интересам или потребностям личности, воспринимаются лучше и быстрее (см. обзор, Дженкин, 1957).

Среди многочисленных исследований New Look центральное место принадлежит изучению перцептивной защиты и перцептивной сенсibilизации. Этими терминами Брунер и Постмен обозначили явление флуктуации порога опознания эмоционально-значимого материала.

Обратимся к одному из экспериментов (Брунер и

Постмен, 1947). Испытуемые вначале тестировались в обычном ассоциативном эксперименте, содержащем слова различной эмоциональной значимости. Во второй части эксперимента испытуемому предлагался для тахистоскопического узнавания набор слов, на которые он давал ранее быструю, среднюю и медленную ассоциативную реакцию. Было получено два ряда показателей: время ассоциативной реакции и время реакции узнавания, подсчитанные для каждого испытуемого и группы в целом; анализ данных состоял главным образом в установлении взаимосвязи между этими рядами измерений. Оказалось, что в одних случаях испытуемые очень быстро узнавали слова, которые вызывали медленную ассоциативную реакцию в предыдущей части эксперимента. Это могли быть эмоционально-значимые слова, например, преступление, смерть, сновидение, и т. д. В других случаях наблюдалось противоположное явление: в ответ на «тревожно-нагруженные» слова испытуемые давали большое время ассоциативной реакции и еще большее время реакции узнавания. Вслед за этой, ставшей теперь классической, работой появились многочисленные исследования, подтвердившие факт различия порогов опознавания нейтральных и эмоционально-значимых слов. В качестве «значимых» могли использоваться нецензурные слова, а также слова, ассоциированные с фрустрацией, стрессом, успехом или неуспехом, «неприемлемыми» потребностями, ценностями — словом, материал, способствующий «включенности личности». Например, Л. Постмен и Р. Соломон (1950) предлагали испытуемым в предварительной экспериментальной серии, построенной по типу соревнования, решить 10 анаграмм. Задачи составлены таким образом, что каждый участник может решить лишь половину из них. По прошествии определенного времени решения зачитываются и оцениваются как верные или ошибочные. Во второй серии слова-решения предъявлялись тахистоскопически и регистрировались пороги опознавания для успешно и неправильно решенных анаграмм. Выявилось, что одни испытуемые лучше воспринимали слова, связанные с успехом, хуже — с неудачей, другие — наоборот.

Для объяснения экспериментальных фактов в теории направляющих состояний (Брунер и Постмен, 1948)

постулируются три механизма селективности воспри-

I. Принцип резонанса — стимулы, релевантные пощ'биостим, ценностям личности, воспринимаются прапильней и быстрее, чем не соответствующие км.

II. Принцип защиты — стимулы, противоречащие ожиданиям субъекта или несущие потенциально враждебную информацию, узнаются хуже и подвергаются большему искажению.

III. Принцип осторожности или сенсibilidadeности — стимулы, угрожающие целостности индивида, могущие привести к серьезным нарушениям в психическом функционировании, узнаются быстрее всех прочих.

Наиболее дискуссионным оказался вопрос о роли механизма перцептивной защиты. Первоначально в рамках NL восприятие рассматривалось как непосредственное выражение внутренних потребностей индивида. Такой точки зрения придерживались сторонники концепции аутистического восприятия. Экспериментальные исследования использовали возможность моделирования искажений восприятия под действием аффективности. Показаны, в частности, роль поощрения и наказания в организации фигуры-фона (Шафер и Мерфи, 1943), влияние пищевой депривации на восприятие неопределенных изображений (Левин, Чейн и Мерфи, 1942; и др.). Дальнейшие исследования позволили уточнить это предположение. Оказалось, что взаимоотношения между потребностью и ее проявлением в восприятии значительно сложнее и зависят от того, насколько потребность принимается «я» (Лазарус, Эриксен). Неприемлемые (создающие угрозу «я») потребности изгоняются из сознания, а в восприятии выявляются в форме защитных механизмов. Таким образом, перцептивная защита представлялась одним из частных случаев действия более широкого круга психологических защитных механизмов. Являясь функцией «эго», перцептивная защита призвана оградить личность от травмирующих переживаний. Вот примеры экспериментов, иллюстрирующих подобную точку зрения. Эриксен предлагал для опознавания неопределенные сюжетные картинки (типа ТАТ) с нейтральной, агрессивной и гомосексуальной тематикой (Эриксен, 1951а, б). Затем испытуемые (больные шизофренией) исследовались в ассоциативном

эксперименте, где использовался набор нейтральных слов, а также слов, относящихся к агрессии и гомосексуальности. Была получена высокая положительная корреляция между результатами ассоциативного теста и порогом опознания картин: нарушения в ассоциативном эксперименте сочетались с худшим узнаванием картин неприемлемого содержания. При этом отмечалось не только возрастание порога, но и искажение воспринимаемого материала.

Согласно принятой в американской психологии классификации Г. Мэррея, агрессия и гомосексуальность относятся к «латентным» потребностям, иначе говоря, они могут не проявляться в открытом поведении и не осознаются индивидом. Психоанализ рассматривает шизофреническую симптоматику как защитную форму проявления этих антисоциальных непринимаемых «я»-тенденций. В эксперименте Эриксона наличие этих потребностей у испытуемых удостоверялось в ассоциативном эксперименте. Искажение воспринимаемого материала и повышение порога опознания интерпретируется как следствие подавления в его частной перцептивной форме.

Лазарус, Эриксен и Фонда (1951) использовали тест незаконченных предложений с возможными сексуальными и агрессивными концовками (тест А). Затем испытуемые должны были в специально затрудненных условиях (на фоне шума) воспринять на слух предложения с сексуальной, агрессивной или нейтральной окраской. Между этими двумя тестами были найдены высокие корреляции: испытуемые, свободно дающие сексуальные концовки в предложениях теста А, воспринимали сексуальные предложения на слух так же хорошо, как и нейтральные.

Были получены данные о существовании индивидуальных различий в защитном реагировании на стрессорные воздействия. Так, можно говорить о «репрессорах», личностях истероидного склада, с подавлением в качестве преимущественного типа защиты. В жизни такие люди избегают эмоционально насыщенных ситуаций, «забывают» события, связанные с собственными неудачами (Эриксен, 1952). Сфера их семейных и социальных отношений характеризуется рядом особенностей: амбивалентностью по отношению к родителям, сексуальным проблемам и социальным установкам (так на-

гштк'маи «непереносимость неопределенности», по Фрискель-Брунsvик, 1949). Высокий уровень тревожности сочетается у них с чувствительностью к стрессу (Смок, 1952), ригидностью мышления и восприятия (Коучн, 1952), неспособностью структурировать неопределенный перцептивный материал, предпочтением знакомого, симметричного, однозначного (Гамильтон, 1957). Испытуемые с подобным набором личностных характеристик чаще всего и демонстрируют феномен перцептивной защиты. Иной тип поведения отличает людей, склонных к «интеллектуализации». В конфликтных ситуациях они не уклоняются от встречи с угрозой, а нейтрализуют ее, интерпретируя безболезненным образом. При экспериментальном исследовании такие испытуемые раньше других опознают эмоционально насыщенные или «угрожающие» стимулы, т. е. пускают в ход механизм сенсильности (Эриксен и Пьерсе, 1968).

Феномен перцептивной защиты привлек внимание многих психологов и после классических экспериментов 1947 года для одних на многие годы стал предметом тщательных экспериментальных исследований, для других — мишенью жестокой критики.

Несмотря на громадный экспериментальный материал и кажущуюся бесспорность интерпретаций, исследования перцептивной защиты нельзя принять безоговорочно. Прежде всего, введение в контекст восприятия принципа защиты неминуемо приводит к принятию положений, непосредственно связанных с психоаналитической концепцией личности. Именно этот момент вызвал резкую критику со стороны ряда психологов (см. обзор, Ф. Олпорт, 1955). Действительно, перцептивную защиту невозможно понять, не обращаясь к фрейдовской модели личности с ее асоциальными тенденциями и цензурными инстанциями, извечным конфликтом между гедонистическим «оно», бедным реалистом «я» и суровым цензором «сверх-я». Связь объяснимого принципа перцептивной защиты с принципом удовольствия 3. Фрейда совершенно очевидна. Подобная позиция игнорирует факт активного приспособления индивида к среде и превращает восприятие в функцию аутистического удовлетворения субъектом собственных потребностей. Обращение к понятию сенсильности (бдительности) в отношении стимулов, несущих угрозу «я», не

что иное, как дань «принципу реальности», без которого восприятие не могло бы выполнять своих приспособительных функций, да и само существование субъекта в этом мире стало бы весьма проблематичным. Претензии имеются и к самой экспериментальной схеме. Прежде всего оказалось, что величина порога опознания существенно зависит от целого ряда факторов, среди которых Д. Браун называет возраст испытуемых, заинтересованность в эксперименте, предварительное знакомство со стимулом, в случае вербального материала — частотную характеристику слова, длину слова, его значение и т. д. Не последним фактором могла быть и сознательная задержка ответа при предъявлении социально неодобряемого материала, например, нецензурных слов (Браун, 1961). Не все экспериментальные схемы учитывали и контролировали эти факторы, и это дало основание вообще усомниться в целесообразности привлечения перцептивной защиты в качестве механизма. Был предложен ряд гипотез, объясняющих флуктуацию порога: а) различной вероятностью слов в словаре данного языка и в индивидуальном употреблении (Хоуз и Соломон, 1951); б) существованием иерархической организации порога (Спенс, 1957; Брунер и Креч, 1962); в) парциальным учетом информации о стимуле (Ф. Олпорт, 1955); г) наличием у субъекта определенных перцептивных установок, ожиданий, схем (Лачинс, 1951; М. Д. Верной, 1952; Хови, 1952; Фресс, 1961).

К объяснениям последнего типа относится и «теория гипотез», сформулированная Брунером в 1957 г. Тем не менее нельзя сказать, что перечисленные гипотезы исчерпывающе объясняют феномен перцептивной защиты, скорее, они указывают на его сложность и зависимость от многих факторов.

Г* *ПЕРЦЕПТИВНАЯ ЗАЩИТА
В СВЕТЕ ТЕОРИИ ГИПОТЕЗ
ДЖ. БРУНЕРА И Л. ПОСТМЕНА*

На первом этапе развития исследования New Look в теории направляющих состояний Брунер и Постмен рассматривали восприятие как процесс, детерминированный двумя рядами факторов: внешними (аутохтонными)

И внутренними (директивными). Причем, ограничение влияния внешних факторов (путем создания «слабых гтпмпульных условий») давало преимущество внутренним. Тем самым чрезмерно акцептировался мотивационный аспект восприятия, так что само восприятие как (Ли становилось непосредственным выражением потребностей и аффективных состояний личности. Искусственность и методологическая неадекватность этой схемы вскрылись уже при попытке объяснить феномен перцептивной защиты. Необходимо было найти механизм, опосредствующий влияние мотивации на восприятие, и таким механизмом в новой теории Дж. Брунера становится «гипотеза».

В теории гипотез в отличие от ранних работ Дж. Брунер подчеркивает когнитивный аспект восприятия, связь его с другими познавательными процессами мышлением, в частности. В качестве регуляторов перцептивной деятельности Брунером теперь рассматриваются когнитивные образования — «гипотезы».

Восприятие, по Брунеру, можно описать как процесс принятия решения или категоризацию (Брунер, 1957). Категоризация предполагает поиск и учет поступающей извне информации и совершается в форме последовательного выдвижения и проверки гипотез. Брунер различает следующие стадии перцептивного процесса (Брунер, 1951): "

1. Готовность к восприятию;
2. Прием информации;
3. Проверка и подтверждение, завершающиеся категоризацией объекта.

По смыслу «гипотеза» близка понятиям «установка», «схема», однако от традиционных set-теорий брунеровскую теорию отличает, во-первых, информационный подход, во-вторых, попытка определить роль мотивационных факторов в кругу прочих детерминант восприятия.

Одной из важных характеристик гипотезы является ее «сила». Чем больше сила гипотезы, тем больше вероятность ее актуализации, тем, следовательно, меньше стимульной информации требуется для ее подтверждения. Сила гипотез зависит от ряда факторов: частоты прошлого подтверждения гипотезы, количества альтернативных гипотез, когнитивного подкрепления, мотивационной поддержки. Как видно, потребности и эмоции

теперь составляют лишь один класс детерминант восприятия, наряду с ними рассматриваются информационные свойства среды и познавательные возможности субъекта. Исходя из вариабельности силы гипотез можно объяснить и те феномены, которые ранее трактовались в терминах защиты и сенсбилизации. Так адекватность восприятия (образа) в общем виде обеспечивается соответствием поступающей информации вероятностным моделям, сложившимся в перцептивном опыте субъекта. В случае их несоответствия образ искажается. Этот феномен может наблюдаться довольно часто, например, при встрече с событием, не укладывающимся в рамки привычного (искажение восприятия иностранной речи в соответствии со структурой родного языка), «ли в результате вмешательства субъективных факторов. Также в любой сложной или новой ситуации, когда мгновенная категоризация невозможна, вновь начинается исследование стимула. Ошибки на этом этапе категоризации возникают часто за счет привлечения слишком широкого круга категорий. Перцептивный ответ становится результатом борьбы альтернативных категорий, поэтому правильному узнаванию предшествует ряд ошибочных гипотез. Этим, в частности, Брунер объясняет повышение порога опознания при тахистоскопическом предъявлении слов (феномен перцептивной защиты). Понижение порога — результат повышения субъективной вероятности желаемых событий в силу их мотивационной поддержки (сенсбилизация). Порог опознания определяется исходя из взаимодействия предъявляемого стимула и следов памяти. Последние в прошлом опыте индивида могли ассоциироваться с различными состояниями организма, т. е. по-разному подкреплялись. Если, например, у одного следы чаще получали положительное подкрепление в виде удовлетворения потребности или поощрения, то, значит, эти следы стали более «пригодными». Усиливая соответствующую гипотезу, они способствуют ее внеочередной актуализации. Тот же самый эффект будет наблюдаться у другого человека, если в прошлом какие-то следы получали отрицательное подкрепление—знак подкрепления роли не играет. Таким образом, механизм влияния мотивации на силу гипотез не сводится теперь к сенсбилизации и защите, а связан с частотой прошлых подкреплений в индивидуаль-

ном опыте субъекта и сложившимися на основе этого установками. Непосредственное влияние потребностей на восприятие возможно, но оно связано обычно со специфическими условиями: состоянием субъекта (депримацией) или специфическими качествами стимула и при дефиците информации из среды. Последняя в экспериментах создавалась слабыми стимульными условиями — тахистоскопическим предъявлением стимула, разного рода «шумами». Модель эксперимента сближалась в этом случае с ситуацией проективного исследования (Брунер, 1948). Тогда перцептивная защита и сенсбилизация могут рассматриваться как частные механизмы регуляции восприятия в ситуациях, экстремальных для личности.

С точки же зрения общей теории восприятия механизмом, опосредствующим влияние мотивации на восприятие, является, по Брунеру, установка. В отличие от установок, связанных исключительно с задачей, эту установку, на наш взгляд, следовало бы назвать *мотивационной*.

Приходится, однако, пожалеть, что эти положения в рамках когнитивной теории сформулированы лишь в самом общем виде и не получили экспериментального доказательства.

**ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ И СТИЛЬ ВОСПРИЯТИЯ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ Г. ВИТКИНА**

Пятидесятые годы за рубежом ознаменовались широким распространением теории информации и системно-структурного подхода, который начал применяться и при изучении психологических явлений. Например, теория гипотез Брунер а представляет собой один, но не единственный из вариантов такого подхода. Оказалось, что идеи системного анализа хорошо сочетаются с холистическими теориями К. Гольдштейна и К. Левина, с одной стороны, и неопсихоаналитическими воззрениями Х. Гартмана и Д. Рапапорта — с другой. Исследования Г. Виткина и его коллег представляют гештальтпсихологическую «ветвь» личностного подхода к восприятию (Ннткип, 1954, 1974),

По мнению Виткина, в своих классических исследованиях гештальтпсихология, переоценивая значение структуры перцептивной задачи, сравнительно мало уделяла внимания факторам, также необходимым для понимания природы восприятия. Между тем «в восприятии, так же, как и в других областях психической деятельности, индивид не является рабом поля в такой степени, как это представлялось гештальтистам; он не пассивен, не зеркало, на которое поле откладывает свой отпечаток, но активный агент, который содействует развитию и исходу акта восприятия» (Виткин, 1954, стр. 496). Восприятие — это лишь одна из подсистем той целостной организации индивида, которую мы обозначаем термином «личность». Личность, таким образом, становится «контекстом» для изучения восприятия мышления и пр. Этими соображениями диктуется и выбор методического пути — опосредствованное изучение личности через анализ познавательных процессов. По гипотезе Виткина, структура задачи в той или иной степени детерминирует способ восприятия, но последний отражает также и некоторые особенности личностной организации индивида, причем так, что частный способ восприятия должен коррелировать с определенным набором личностных характеристик. Более специально, предметом экспериментальных исследований Виткина являлось восприятие пространства. Испытуемому предлагался набор перцептивных задач по ориентировке в пространстве (см. табл. 1). При этом степень легкости выделения отдельных элементов зрительного поля, фокусировка на поле в целом или его сегментах служила общим признаком всех задач.

Рассмотрим поведение человека в одной из экспериментальных ситуаций. Испытуемый сидит в темной комнате, перед ним светящийся стержень, заключенный в светящуюся рамку. Тестовые условия заключаются в том, что рамка, стержень и кресло испытуемого могут изменять свое положение относительно друг друга, задача же испытуемого — двигать стержень до тех пор, пока не будет найдено его правильное вертикальное положение. Для успешного выполнения задания необходимо вычленив, отделить стержень от рамки, ориентируясь на положение собственного тела. В случае, когда кресло испытуемого находилось прямо перед рамкой.

задача решалась легко, но значительно усложнялась при одновременном изменении положения стержня рамки и кресла. Во всех экспериментальных пробах большому отклонению рамки соответствовала и большая связанность полем, меньшее отклонение указывало на независимость от поля и ориентацию на положение собственного тела.

В других случаях, например, нужно было определить правильное положение своего тела, в то время как стул, на котором сидит испытуемый, и комната-бокс могли изменять положение относительно друг друга.

Эта задача может быть решена двумя способами в зависимости от выбранной точки отсчета. Если испытуемый изменяет свое положение, сравнивая его с положением комнаты, то его восприятие в значительной степени подвержено влиянию поля. Напротив, ориентация на проприоцептивные ощущения от собственного тела освобождала испытуемого от влияния поля.

Как известно, ориентировка в пространстве осуществляется благодаря наличию у нас пространственных эталонов — вертикали и горизонтали. Сюда относятся представления человека о вертикальной организации собственного тела, а также объективные признаки — направление гравитации, ландшафта, архитектура зданий и т. д. Система пространственных эталонов складывается в детстве, причем образование схемы тела, по мнению ряда психологов, занимает особое место в процессе когнитивного развития ребенка, интимно участвуя в формировании у него чувства собственного «я».

Особенность экспериментов Виткина состояла, в частности, в том, что в ряде задач правильная ориентировка в пространстве могла осуществляться лишь при опоре на какой-то элемент поля, каковым могло быть и тело испытуемого. Оказалось, что способность ориентироваться на поле в целом или на его сегменте варьирует у отдельных людей так, что можно говорить о полезависимом и полнезависимом восприятии. Полезависимый тип восприятия характеризуется трудностью преодоления превалирующего влияния зрительного поля, невозможностью вычленив из него изолированный элемент тем, что не учитываются проприоцептивные ощущения от собственного тела. Полевая зависимость — полнезависимость, как выяснилось, является компонентом

Таблица 1

Тестовые ситуации	Тестовые условия	Задача испытуемого	Показатели
«Стержень и рамка»	<p><i>Серия 1.</i> Кресло испытуемого повернуто на 28° влево (4 раза) или вправо (4 раза). Рамка повернута на 28° в ту же сторону.</p> <p><i>Серия 2.</i> Кресло повернуто на 28° влево (4 раза) или вправо (4 раза). Рамка — на 28° в противоположную сторону.</p> <p><i>Серия 3.</i> Кресло стоит прямо, рамка повернута на 28° влево (4 раза) или вправо (4 раза).</p>	Установить стержень в правильном вертикальном положении	Отклонение стержня от истинной вертикали по среднему из 8 проб (в градусах)
«Перевернутая комната—перевернутый стул»	<p><i>Серия 1а.</i> Кресло повернуто на 22° влево или вправо. Комната — на 56° в ту же сторону (по 2 раза).</p> <p><i>Серия 1б.</i> Комната — на 56° в противоположную сторону (по 2 раза).</p> <p><i>Серия 2а.</i> Кресло — на 22° влево или вправо, комната — на 35° в ту же сторону (по 2 раза).</p> <p><i>Серия 2б.</i> Кресло — на 22° влево или вправо, комната — на 35° в противоположную сторону (по 2 раза).</p> <p><i>Серия 2в.</i> Кресло — на 22° вправо или влево, глаза закрыты (по 2 раза).</p>	<p>Установить комнату в правильном вертикальном положении</p> <p>Установить стул в правильном вертикальном положении</p>	<p>Отклонение комнаты от истинной вертикали</p> <p>Отклонения стула от истинной вертикали</p>

Продолжена г.аб-'. 1

Тестовые ситуации	Тестовые условия	Задача испытуемого	Показатели
«Вращающаяся комната»	<p><i>Серия 1.</i> Комната и стул внутри нее, оставаясь объективно в вертикальном положении, вращаются в горизонтальном плане вокруг вертикальной оси.</p> <p><i>Серия 2.</i> Комната и стул, оставаясь в вертикальном положении, вращаются в горизонтальном плане вокруг вертикальной оси.</p> <p><i>Серия 3.</i> Условия те же; комната затемнена.</p>	<p>Установить комнату в правильном вертикальном положении</p> <p>Установить стул в правильном вертикальном положении</p>	<p>Отклонения комнаты от истинной вертикали</p> <p>Отклонения стула</p>

более широкого образования, а именно — когнитивного стиля'. Когнитивный стиль включает характеристики познавательных процессов, аффективной сферы, отношений в коллективе. Различают глобальный и артикулированный когнитивный стиль. Радикалом первого является полевая зависимость, в то время как полевая независимость отличает артикулированный когнитивный стиль.

Выделив зависимость — независимость от поля как стойкую черту познавательной деятельности, Виткин попытался обнаружить, с какой личностной организацией она связана. Результаты, полученные с помощью проективных методик (ТАТ, Роршах, тест рисования фигуры), показали, что можно выделить три параметра, определяющих когнитивный стиль:

- 1) характер взаимоотношения человека с окружающей его предметной и социальной средой;
- 2) способ контроля и управления аффективными побуждениями;
- 3) особенности самооценки (я-концепции) личности.

Согласно Виткину, полезависных людей отличает пассивность в отношениях с окружающей средой, отсутствие инициативы, конформность и преклонение перед авторитетами. Для них характерно недостаточное осознание своей внутренней жизни, боязнь собственных сексуальных и агрессивных побуждений, использование примитивных способов защиты, таких, как подавление, регрессия. Обычно такие люди обладают неразвитой, недифференцированной схемой тела, низкой самооценкой и трудностью в принятии себя. Очевидно, что независимые от поля демонстрируют противоположный набор личностных качеств.

Как складывается когнитивный стиль и что служит его источником? Генетические и патопсихологические исследования привели Виткина к идее дифференциации (Виткин, 1972). Он различает дифференциацию как процесс развития и усложнения системы (личности) и дифференциацию как важнейшую характеристику системы в данный момент, отражающую уровень ее адап-

¹ Термин «стиль» был впервые использован Г. Олпортом для описания индивидуальных различий в экспрессивном поведении. Г. Виткин, а затем Ж. Клейн ввели его в контекст познавательных процессов.

1. •ниш. С формальной стороны, уровень дифференциации показывает степень специализации и сегрегации подсистем, их взаимозависимость и характер функциональных отношений между ними. С психологической точки зрения, большей дифференциации соответствуют, в частности, способность воспринимать сложные стимульные конфигурации артикулированно; ясное ощущение схемы собственного тела и своего отличия от других людей; наличие развитой я-концепции и специализированных форм защиты. Высокая степень дифференциации отражает также особый характер отношений между психологическими функциями, а именно: их «расчлененность», отдаленность восприятия от эмоций, мышления от действия. Процесс дифференциации или психического разщепления можно представить как постепенное изменение опыта ребенка в сторону все большей «независимости от поля». В ходе этого процесса у ребенка расчленяются «МЯ» и «не-я», складывается представление о своем телесном облике, а на его основе и сознание своей индивидуальности. Развитие в сторону все большей дифференциации предполагает усвоение и интериоризацию социально принятой системы эталонов, помогающей ребенку осознать отношение к своему «я» и выработать адекватную самооценку. Развитие и усложнение структуры личности приводит к освобождению «интеллекта» от «аффекта»; в частности, артикулированность восприятия, по Виткину, связана именно с относительной независимостью последнего от аффективных побуждений². Усложняются и специализируются формы психологической защиты. Так, глобальный стиль, доминирующий у маленьких детей, сочетается обычно с подавлением и «отрицанием опыта», приводящими в случае конфликта к полной блокировке памяти и восприятия. Напротив, артикулированный стиль предполагает использование более тонких механизмов защиты — изоляции, проекции, интеллектуализации. С их помощью более гибкими и эффективными становятся контроль и управление им-

² Эксперименты Дж. Минарда и У. Муни (1969) по изучению по- /in.'it опознания эмоциональных и нейтральных слов показали, что личимые различия по порогу дают лица с глобальным стилем. Иначе говоря, именно у них обнаружилась детерминация восприятия аффективными факторами, в то время как испытуемые г артикулированным стилем не обнаружили различия в реакциях чч нейтральные и эмоционально-значимые слова.

пульсивной эмоциональной жизнью. Таков ход и результат психического развития, понимаемого как процесс дифференциации. В формировании того или иного когнитивного стиля немалую роль играют различные обстоятельства жизни ребенка: особенности его конституции, взаимоотношения с родителями, когнитивный стиль матери и другие более специальные факторы.

Исследования Г. Виткина не ограничиваются частным вопросом ориентировки человека в пространстве, хотя очевидно, что полученные данные могут представлять особый интерес для специалистов по инженерной и космической психологии. Разработанные Виткиным экспериментальные приемы с успехом применяются в прикладных областях психологии: детской, социальной, клинической. В последние годы особенности когнитивного стиля изучаются в связи с кросскультурными и этническими различиями; эти исследования позволяют уточнить роль «среды» в формировании когнитивного стиля.

Патология (неадекватная адаптация) также может служить экспериментальной проверкой гипотезы дифференциации. Так, в различных симптомах психических заболеваний обнаруживаются черты того или иного стиля: у больных алкоголизмом и истерией наблюдается крайняя полевая зависимость, параноидные больные, напротив, полнезависимы.

Эксперименты Виткина наглядно демонстрируют взаимосвязь личности и восприятия не только в специальных условиях (слабой стимуляции, депривации), но также и при решении разнообразных перцептивных задач. Они показывают, что в восприятии всегда отражаются установки личности в отношении собственного «я» и своего социального окружения.

Вместе с тем нельзя согласиться с методологической позицией Г. Виткина. Справедливо критикуя общепсихологические исследования в области восприятия за их «безличный» характер, Виткин считает возможным создать новую методологию путем «добавки» к гештальт-теориям восприятия клинической (психоаналитической) теории личности. Платформой для его подхода служат холистические («целостные») представления К. Гольдштейна и К. Левина, а также некоторые положения современной теории систем.

*ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ И СТИЛЬ ВОСПРИЯТИЯ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
МЕННИНГЕРСКОЙ ГРУППЫ*

Меннингерская группа (Р. Гарднер, Дж. Клейн и др.) представляет психоаналитически ориентированное направление в изучении индивидуальных особенностей и стилей познавательных процессов. Усилия этих психологов были направлены на развитие и экспериментальное подтверждение идей Х. Гартмана и Д. Раппорта о «вторичных процессах» или «функциях-я, свободных от конфликта».

С конца сороковых годов независимо от исследований Г. Виткина меннингерская группа занималась изучением механизмов контроля, их взаимоотношением с мотивацией, защитой и когнитивным стилем. Когнитивный стиль определяется Клейном как относительно стабильная структура механизмов контроля, характеризующая индивидуальный тип адаптации и отражающаяся в особенностях познавательных процессов (Клейн, 1970). Как уже указывалось раньше, психоанализ различает первичные и вторичные процессы, последние представляют собой функции «эго»—свободные от конфликта, т. е. познавательные процессы, служащие адаптации индивида к окружающей реальности. Вторичные процессы, развиваясь в направлении все большей автономии от влечений и конфликтов, преобразуются в иерархические когнитивные структуры. Когнитивный контроль, как и защита, возникает в результате «задержки» влечения. Так же, как и защита, контроль произволен от влечений, по отношению к которым он выполняет регуляторную функцию и энергию которых он «канализует» в соответствии с требованиями адаптации. Вместе с тем контроль отличается от защиты и по степени структурированности и по назначению. Защита является средством разрешения конфликта и пускается в ход в ситуации возможной угрозы «я» со стороны инстинктивных влечений (как это было показано экспериментами Брунпра и др.)— Контроль же проявляется в любых ситуациях, при решении любых задач, а не только в связи с либидозными потребностями. Контроль — это индивидуальная стратегия решения определенного класса за-

дач, перцептивных, интеллектуальных или мнестических. В той мере, в какой восприятие является адаптационной системой и служит решению когнитивных задач, в его реализацию включены механизмы контроля. Объединяясь, разные виды контроля создают индивидуальный «паттерн» установок или стиль; таким образом, контроль служит как бы аналитической характеристикой стиля. Контроль играет роль медиатора во взаимоотношениях индивида с окружающей средой, в этом смысле он имеет тот же статус, что и «гипотеза» Брунера. Контроль выполняет, таким образом, роль посредника между требованиями «внешней» и «внутренней» среды, он «запускается» задачей, но также зависит от отношения субъекта к требованиям инструкции.

Выявить когнитивный контроль можно при определенной организации эксперимента, например, путем создания конфликта между актуально действующим раздражителем и следовым или между центральным и периферическим сегментом зрительного поля. В этих условиях решение задачи требует отстройки от интерферирующих раздражителей, и то, каким образом испытуемый справится с этими требованиями, зависит от актуализированного им вида контроля. Контроль проявляет себя в индивидуальной стратегии решения перцептивной задачи. В качестве задач могли предлагаться визуальная оценка размеров объекта, оценка длин отрезков (иллюзия Мюллера--Лнера) и некоторые другие. Были выделены следующие виды контроля (Гарднер и др., 1959):

1. Гибкий-----суженный. Например, испытуемому надо прочесть название цвета на таблицах, предъявляемых тахистоскопически, причем цвет таблиц контрастирует с его названием. Испытуемые с гибким контролем менее чувствительны к интерферирующему влиянию цвета.

2. Нивелирующий — обостряющий тип контроля выявился при оценке размеров экспонируемых квадратов, когда их адекватная оценка затруднялась предэкспозицией квадратов определенных размеров.

3. Экстенсивное — умеренное сканирование определялось при оценке видимого размера стимула в сравнении его с эталоном. Степень сканирования проявлялась в количестве центраций на оцениваемом объекте и эталоне.

4. Толерантность к нереалистическому восприятию. Этот тип контроля выражался в способности или неспособности свободно воспринимать ситуации, противоречащие конвенциональному прошлому опыту (по данным теста Роршаха, аутокинетиического движения и экспериментов с искажающими анизеконическими линзами).

Многочисленные эксперименты показали, что, во-первых, контроль проявляет себя только при определенной организации эксперимента (наличие интерферирующего раздражителя и интенции в ответ на инструкцию); во-вторых, частный вид контроля проявляется равным образом в перцептивных, интеллектуальных мнестических задачах, т. е. имеет интермодальный характер; в-третьих, благодаря перцептивному контролю восприятие становится избирательным и целенаправленным. Вес перечисленное позволяет нам прийти к заключению, что меннингерские исследователи имели дело с той же дестерминантой восприятия, что Дж. Брунер и Г. Внткин, т. е. с установками особого типа. Они возникают лишь при определенной организации экспериментальной ситуации, предполагают принятие задачи как субъективной цели. Главная же их особенность состоит в том, что эти установки на самом деле не образуются в эксперименте, а только проявляют себя в нем. Складываются же они п самой жизни, в них как бы кристаллизуются аффективные и познавательные аспекты взаимоотношений человека с окружающим его миром. Это, кстати, находит подтверждение в генетических и межкультурных (cross-cultural) исследованиях Г. Внткин а.

Глава III I Место проективных методов в исследовании мотивации и ее влияния на восприятие

Исследования New Look были с большим интересом встречены за рубежом не только специалистами в области восприятия, но также и представителями психологии личности. Последние увидели в этих работах экспериментальное подтверждение многих постулатов, бывших до сих пор чисто умозрительными. Это касается, в частности, методической стороны исследований.

Как было показано в предыдущих главах, сама идея взаимозависимости познавательных процессов и мотивации не нова и не принадлежит к открытиям NL. Она лежит в основе многих западных теорий личности. В исследованиях NL она получила подтверждение в обнаружении селективного характера восприятия, во-первых, в отношении тех или иных качеств объекта и, во-вторых, в отношении способов взаимодействия с ними. Что и как воспринимает человек, в значительной степени определяется «внутренней системой эталонов личности» — ее аффективными состояниями, побуждениями, оценками и привычками. С теоретической точки зрения такой вывод был важен, поскольку подтверждал положения психоанализа и «психологии я» о роли неосознаваемых влечений в регуляции психической жизни и мотивированности познавательных процессов. Он же стал привлекаться в качестве

обоснования опосредствованного способа исследования мотивации и личности — проективных методов.

Проективные методы получили особенное распространение в США с 30-х годов, но поначалу лишь в русле психоаналитического направления. Позже они привлекли внимание психологов, интересующихся проблемами восприятия, и в качестве экспериментальной модели с некоторыми модификациями впервые были использованы для выявления аутистической направленности восприятия (Сэнфорд, 1936; Мак-Клеланд, 1948; и др.). Не случайно также Брунер, Постмен и другие создавали особые условия опознания стимула — краткое время экспозиции, расфокусировка и другие виды «шумов». Все это должно было способствовать актуализации (проекции) мотивационных, личностных факторов. Аналогия с условиями проективного исследования была специально подчеркнута Дж. Брунером (1948) и получила подтверждение в работах Ч. Эриксона и Р. Лазаруса (Эриксен, 1951а, б, 1952; Эриксен и Лазарус, 1952). Перцептивная сенсбилизация и защита были обнаружены ими в данных по тесту Роршаха и ТАТ. В работах NL проективные методы применялись также для диагностики индивидуальных различий в механизмах защиты и личностных коррелятов когнитивного стиля. Общность методических приемов, понятий, привлекаемых для объяснения экспериментальных данных, заставила нас обратиться к анализу принципов построения проективных методов и попыток их теоретического обоснования в уже известных нам психологических системах — психоанализе, «психологии я» и некоторых концепциях NL. Мы рассмотрим также вопрос о возможностях обоснования проективных методов на основе понятий отечественной психологии.

КРИТИКА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОБОСНОВАНИЙ ПРОЕКТИВНЫХ МЕТОДОВ

в ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Под общим названием «проективные методы» Л. Френк (1939) объединил ряд созданных в разное время методик: тест свободных ассоциаций Юнга, тест рисования фигуры человека и другие. Наиболее, попу-

лярыми из них являются тест пятен Роршаха и тематический апперцепционный тест (ТАТ). Основание: для объединения столь различных методов служили следующие общие для них признаки:

1) неопределенность инструкции или стимульного материала, неоднозначность его в смысловом отношении;

2) неограниченность в выборе ответа;

3) отсутствие нормативной оценки ответов как верных или ошибочных.

Этими же методическими особенностями отличались и эксперименты по перцептивной защите.

Несомненно, что большинство проективных методов было обязано своим происхождением психоанализу в его различных вариантах. В определенном смысле проективные методы могли рассматриваться как опыт экспериментального психоанализа, поэтому, кстати, они столь доброжелательно были восприняты в 30-х годах американскими психоаналитиками. Последние (Г. Мэррей (1938, 19-13) в частности) видели в проективных методах средство обнаружения бессознательных потребностей и конфликтов, перкопвепциопальных, а потому обычно подавляемых форм поведения. При создании ТАТ Мэррей предполагал, что восприятие испытуемого, направляемое скрытым содержанием картинок, представляет собой «первичный процесс» и в нем так же, как и в грезах наяву, найдут удовлетворение латентные потребности: Психологическими механизмами этого процесса Мэррей считал проекцию и идентификацию. К сожалению, недостаточная четкость в понимании содержания этих понятий обусловила двойственность позиции самого Мэррея и впоследствии дала повод для сугубо психоаналитического обоснования ТАТ и других проективных методов. Мэррей считал, что проекция проявляется в нормальном свойстве человека интерпретировать неопределенную ситуацию согласно своему прошлому опыту и наделять героев своей фантазии собственными мыслями и чувствами. В то же время совершенно очевидно, что надделение героев собственными антисоциальными тенденциями становится возможным лишь благодаря неосознаваемости процесса проекции и приписывания этих тенденций «другому». Таким образом, если содержанием проекции считать латентные

потребности, необходимо признать и ее защитные функции.

Защитная концепция проекции, как известно, была предложена З. Фрейдом для объяснения параксиального бреда и невроза тревоги. Под проекцией понимался такой защитный механизм, который позволяет индивиду экстерниоризировать причину тревоги (которая на самом деле коренится в нем самом) и тем самым более успешно бороться с ней. Точно так же происходит экстерниоризация и приписывание другим всего того, что человек отвергает в *самом* самом, — социально неприемлемых сексуальных и агрессивных тенденций (Лапланш и Поитали, 1963).

По мысли Фрейда, содержанием проекции всегда являются глубинные влечения секса и агрессии. Именно поэтому механизм проекции принципиально пессимистичен и всегда выступает как защита — присвоение другим, людям или вещам, свойств, чувств и желаний, в которых субъект отказывает самому себе. Так, сказочные черти и демоны — не что иное, как своеобразная проекция подавленных «дурных» желаний бессознательного.

Часть исследователей попыталась распространить фрейдовскую концепцию проекции на проективные методы (например, Беллак, 1944; Саймондс, 1949; Шафер, 1954). Беллак определил проекцию как приписывание другим собственных потребностей, поскольку их не может реализовать сам субъект. В эксперименте после стандартной процедуры ТАТ психолог начинал жестоко критиковать рассказы испытуемых. По гипотезе автора, обиженные, но не имеющие возможности это открыто проявить испытуемые будут выражать обиду проективно. И действительно, в таких условиях резко возрастало число агрессивных тем в рассказах. Дальнейшие исследования, однако, показали ограниченность фрейдовской концепции проекции и ее неприменимость к обоснованию проективных методов. В частности, в тех же экспериментах Беллака оказалось, что создание дружелюбной атмосферы приводило к уменьшению агрессивных и возрастанию тем оптимистического содержания. Этот факт делал очевидным несводимость содержания проекции, по крайней мере в ТАТ, к асоци-

альным проявлениям личности и тем самым лишал проекцию ее защитных функций.

Как отражение системно-структурного подхода можно рассматривать попытку Л. Френка, кстати, первого теоретика проективных методов, интерпретировать механизм проекции в контексте широких взаимоотношений личности с окружающим миром (Френк, 1939). Для Френка «личность» и «мир» составляют целостную систему, не функционирующую в отрыве друг от друга. Активное отношение личности к миру описывается Френком как постоянный процесс структурирования, упорядочивания жизненных ситуаций в соответствии со структурой самой личности. Френк утверждает уникальность личности, существование в каждом человеке «собственно личного мира» мнений, верований, идей, желаний и т. п. Образованный эмоциональными реакциями на стимулы, на требования семейной и социальной среды, «личный мир» представляет собой «паттерн» индивидуального стиля личности.

Ценность проективных методов (получивших свое название благодаря Френку) состоит в их способности выявить присущие индивиду способы структурирования неопределенной ситуации и тем самым проникнуть в его «личный мир», реконструируя его по данным теста. В таком понимании проекция выступает как способ существования личности, а сами проективные методы — как модели жизненных ситуаций, в которых он себя обнаруживает. Точку зрения Френка поддерживает и развивает Д. Рапапорт в «проективной» гипотезе, согласно которой «все поведенческие проявления индивида, включая наименее и наиболее значимые, раскрывают и выражают его личность» (Рапапорт, 1967, стр. 92). Рапапорт считает, что фрейдовская «классическая» проекция не может служить объяснительным принципом проективных методов, поскольку описывает специальный патологический случай. В основе же проективных методов лежит «экстериоризация» присущих индивиду способов «выбора» и «организации» неструктурированного материала. Благодаря своей неструктурированности, проективные методы вскрывают сложную организацию неконвенциональных мотивов и их влияние на познавательные процессы. По мнению Рапапорта, специальная ценность проективных методов состоит в их

способности обнаруживать прежде всего механизмы «лжи и контроля. Например, рассказы испытуемых и ТАТ, как правило, являются смесью фантазийной продукции и наиболее распространенных интерпретаций, сюжетов — клише. Поэтому непосредственное и прямое выражение влечений в них затруднено. Каждая тема — это итог борьбы между влечениями «оно», стремящимися найти немедленное удовлетворение, и защитными функциями «я».

Рапапорт также обращает внимание на особенности речи, лексику, логику построения рассказа как на материал, дающий информацию о мышлении и когнитивном стиле личности.

К началу 50-х годов под непосредственным влиянием NL сложилось еще одно понимание проекции — как процесса, теснейшим образом связанного с восприятием, как отражение его детерминации личностными факторами (Мюччиелли, 1963; Драгуне, 1967, 1968; Клопфер, 1962; Бом, 1974; и др.).

Л. Беллак (1950) представил наиболее разработанную концепцию проекции как «апперцептивного искажения». Он различает три типа перцептивного поведения. Адаптивное поведение полностью подчиняется требованиям стимуляции и определяется задачей. Экспрессивное показывает индивидуальный стиль решения перцептивной задачи. Проективное поведение демонстрирует индивидуальные различия в восприятии под влиянием мотивов и чувств воспринимающих людей. Последнее представляет собой случай апперцептивного искажения. В любом процессе восприятия присутствуют все три типа поведения, но в разной пропорции, в зависимости от степени неопределенности, сложности перцептивной ситуации. Апперцептивное искажение возникает и присутствию достаточно неопределенной стимуляции, например, картин ТАТ, когда однозначное, стандартное для всех восприятие невозможно. В силу этого наблюдаются индивидуальные отклонения от стандартных интерпретаций — апперцептивное искажение. Формы апперцептивного искажения различны, например, классическая защитная проекция представляет собой крайний патологический вариант. Простая или нормальная проекция, напротив, встречается в обывденной жизни довольно часто. Л. Беллак дает остроумный пример действия

этого механизма. Предположим, Жан хочет попросить у своего соседа Жака машинку для стрижки травы. Направляясь к соседскому двору, он мысленно представляет свой диалог с Жаком. «Жак скажет мне, что в тот раз я вернул машинку грязной. Я ему отвечаю, что вернул такой, какой взял. Тогда он скажет, что в тот раз, когда я перетаскивал машинку, я испортил его изгородь...» Воображаемый диалог продолжается в таком духе до самого дома Жака. Завидя на крыльце дома приветливого хозяина, Жан неожиданно выпаливает: «Можете оставить при себе вашу драгоценную машинку». Очевидно, что поведение Жана представляет собой реакцию не на актуальную агрессивность соседа, а на свои собственные воспоминания о ней.

К вариантам апперцептивного искажения Беллак относит также сенсибилизацию, повышенную чувствительность некоторых людей, например, невротиков к событиям определенного рода. Так, робкий подчиненный замечает малейшие оттенки настроения своего шефа; мнительный человек будет испытывать тревогу там, где по мнению других, нет причин для беспокойства и т. д. и т. п.

К этому же кругу явления следует причислить известные данные о селективной бдительности, полученные в исследованиях New Look и экспериментах Р. Сэнфорда с пищевой депривацией. В качестве механизма апперцептивного искажения Беллак предлагает рассматривать структурирующее влияние следов прошлого опыта на актуальное восприятие. Например, в опытах Сэнфорда пищевая депривация приводила к оживлению соответствующих следов памяти, которые апперцептивно искажали актуальное восприятие нейтральных объектов.

Можно найти много общего в развитии взглядов на феномен перцептивной защиты и проекции. Кардинальной проблемой для них являлось решение вопроса о том, каким образом потребности и мотивы оказывают влияние на познавательные процессы. В концепциях Л. Френка, Л. Беллэка, а также работах Д. Мак-Кле-ланда и В. Аггсона (1953) вводятся такие опосредствующие механизмы, как «внутренний мир» (внутренняя система эталонов), «следы памяти», «экспектации». По-видимому, здесь надо предположить действие все

того же общего механизма влияния мотивации на восприятие как установки или системы установок. Признание установки в качестве механизма проекции позволило бы ввести проективные методы в когнитивную общепсихологическую теорию и таким образом лишило бы их того ненужного ореола таинственности, который до сих пор мешает видеть в них такие же приемы экспериментальной психологии, как, например, игра или методика уровня притязаний.

В настоящее время обоснованию проективных методов на основе отечественной психологии посвящен ряд исследований (Кияшенко, 1965; Гильяшева, 1967; Савенко, 1969; Бурлачук, 1974; Соколова, 1974; и др.). Попытка представить установку в качестве механизма проекции также обсуждалась в нашей литературе (Цуладзе, 1969).

В целом же в силу недостаточной четкости основных понятий, отсутствия общепринятых, теоретически обоснованных интерпретационных систем проективные методы должны стать объектом дальнейших исследований и теоретических обоснований. Одно из таких исследований было осуществлено под нашим руководством И. В. Вавиловым и В. Э. Реньге.

АНАЛИЗ ЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РАССКАЗА ТАТ

Проведенная на материале здоровых испытуемых, а также больных неврозами, апробация ТАТ позволила подойти к рассмотрению некоторых теоретических проблем, одной из которых — проблеме анализа материала ТАТ — и посвящена настоящая работа.

Изучение систем анализа ряда зарубежных авторов — Меррея (1943), Рапапорта (1946) / Арнольд (1962) и других — показало, что эти системы в основном определяются той теорией или смешением теорий личности, на которую каждая из них ориентирована. Опора на какую-либо из этих схем анализа неизбежно приводит к интерпретации материала ТАТ в соответствии с той теорией личности, которой этот анализ определен. Это значит, что даже этап первичной обработки рассказа, выбор категорий анализа не безразличен для последую-

шей интерпретации и вытекает из определенных теоретических установок экспериментатора. В качестве очень общей теоретической схемы мы использовали представление о рассказе ТАТ как модели деятельности, структура и конфигурация которой задаются смыслообразующими мотивами субъекта.

Одна из трудностей анализа рассказов ТАТ заключается в преодолении субъективизма со стороны экспериментатора, что возможно, в частности, путем формализации материала. Чтобы быть объективным, формальный анализ должен удовлетворять ряду требований.

Прежде всего он должен предполагать применение по возможности наиболее объективных способов разработки каждого рассказа и всей их совокупности в целом для выделения существенных признаков — категорий интерпретации, объединение которых в систему непроторечивых гипотез даст гипотезу относительно личности испытуемого настолько «глубокую», насколько глубоким был такой анализ.

Критерием оценки способа анализа должна служить, во-первых, его методологическая состоятельность, во-вторых, — практическая валидность, т. е. степень скоординированное™ (скореллированности) оценок, даваемых отдельными частями методики, в нашем случае — отдельными рассказами ТАТ.

Объективный анализ должен быть «избыточным», т. е. отдельные части методики должны давать идентичные, наиболее общие инвариантные структуры, которые, по предположению, можно приписать личности. Переход от части к части должен соответствовать постепенному обогащению инвариантной структуры деталями, нюансами, оттенками. Объективный анализ должен, таким образом, двигаться от «общего» к «частному».

Облегчению и объективации выбора категорий может, с нашей точки зрения, способствовать обращение к анализу логических взаимосвязей структуры рассказов ТАТ. Для этой цели было использовано семиологическое исследование К. Бремона (1972).

Как указывает Бремон, любое повествование является порождением поступков и событий, сгруппированных в последовательность и создающих единство действий.

Элементарная последовательность порождается группировкой по трем функциям:

а) функцией, которая открывает возможность действия в форме определенного поступка или предвидимого события;

б) функцией, которая реализует эту возможность в форме события или поступка;

в) функцией, которая завершает действие в форме достигнутого результата.

Таким образом, любую последовательность событий можно изобразить в виде схемы, пользуясь такими общими формальными категориями, как возможность действий, актуализация возможности действия, завершение достигнутого действия и т. д. Такая схема наглядно отражает логику рассказа и его смысл для рассказчика.

Существуют два типа элементарных последовательностей: первый представляет собой актуализацию возможности улучшения, второй — возможности ухудшения. Сочетаясь между собой в рассказе, элементарные последовательности образуют сложные последовательности. Чем более подробно описана вариация событий, тем более глубоко может быть дифференцирован «скелет» рассказа. Инструкция ТАТ предполагает создание рассказа — структурированного временного ряда, который действительно представляет то повествование, которое можно разложить в виде упомянутой логической схемы.

Построение схем рассказов ТАТ с помощью указанного метода дает возможность определить логику поведения каждого из персонажей, способ достижения им улучшения или способ борьбы с надвигающейся угрозой ухудшения. В результате мы получаем шаблон поведения персонажей — относительно стабильный способ достижения ими целей. Определение таких шаблонов поведения по всей совокупности рассказов дает возможность их сопоставить. Сопоставление стратегий достижения позволяет выделить те из них, которые остаются инвариантными, такие инвариантные стратегии будут характеризовать определенные типы или стили поведения. Например, один из наших испытуемых — мужчина, приписывает в целом ряде случаев персонажам один и тот же шаблон достижения улучшения. Покажем это на анализе одного из рассказов (карта № 7М. ТАТ). 45

^Молодой, подающий надежды ученый проводит эксперимент, который дает несколько неожиданные результаты,—не те, на которые рассчитывал этот ученый. Он в затруднении; приходит посоветоваться к старшему. В данный момент, рассказав все своему старшему коллеге, он продолжает так по инерции думать о том, что бы это могло значить. Старший же, выслушав его, хочет сказать, что именно в том, что так неожиданно прошел эксперимент, может быть, стоит искать несколько иной поворот: и даже отрицательные результаты эксперимента дают что-то положительное в общем плане развития всей науки в целом. Видимо, это будет с благодарностью принято ученым, и он теоретически подведет под это базу».

Логическая схема этого рассказа в общей смысловой дихотомии «ухудшение — улучшение» К. Бремона может быть представлена следующим образом:

Происшедшее ухудшение (Неожиданные результаты эксперимента)	-	Возможность улучшения (Выяснение истинного значения результатов)
	/	Возможное средство улучшения
Процесс улучшения	j	Примененное средство (I ! I I
Достигнутое улучшение	!	Успех примененного средства (С благодарностью принятый совет)

Видно, что в случаях, когда взаимодействуют персонажи мужского пола, один из них оказывается не в состоянии решить свою проблемы и использует второго в качестве средства достижения улучшения, т. е. решения проблемы. Он остается, таким образом, активным только до выбора объекта-опоры во внешнем мире. Далее его позиция становится пассивной — он пользуется помощью агента, способного бескорыстно решать чужие проблемы. В других рассказах, где персонаж мужского пола взаимодействует с женщиной, он получает возможность реализовать свою цель — уйти от этой женщины, за счет ее агрессивного поведения (на которое он сам ее провоцирует), используя то, что оч стал объектом

(Цресепп, чтобы освободить самого себя от необходимости оправдывать как свою цель, так и способ ее реализации).

Сравнение этих рассказов дает следующий вывод: нее агенты мужского пола не в состоянии сами достигнуть улучшения, но используют для сто достижения другого человека, в одном случае — его бескорыстную помощь, в другом — его оплошность.

Выделяя тип поведения, демонстрируемый персонажами различных рассказов, и наиболее часто употребляемые ими шаблоны, мы исходим из следующего предположения: ТАТ должен оказаться тем «экраном», на котором испытуемые неосознанно отобразят кроме всего прочего присущие им самим типы и шаблоны (стили) поведения. Ведь приписывая другому лицу, а в нашем случае — персонажу рассказа, определенную логику поведения, испытуемый, если и не реализует прямо свою собственную — ту, которой он пользуется в реальной жизни, то, во всяком случае, использует ту, которая для него потенциально возможна.

Нельзя, конечно, говорить о том, что все те способы достижения определенных результатов, которыми пользуются персонажи рассказов одного испытуемого, прямо соответствуют тем, которыми он пользуется сам. Можно говорить только о том, что некоторые из них потенциально возможны для данного испытуемого при тех условиях, которые могут быть созданы им в рассказе, по отсутствию в окружающей его реальности. Однако сопоставление структур по всей совокупности рассказов дает нам те из них, которые остаются инвариантными, — они и будут соответствовать тем стратегиям, которые, по предположению, наиболее часто употребляются в реальной жизни. Обобщение таких инвариантных структур даст еще более общую характеристику испытуемого — стиль его поведения, который в еще большей степени будет ему соответствовать, чем каждый отдельно взятый шаблон.

Таким образом, первичный анализ приводит нас к определению некоторой относительно инвариантной формы — конфигурации поведения. Это даст возможность логически подойти к тому, что детерминирует такую форму, т. е. к мотивационной, потребностной и другим сферам испытуемого. Лишь затем, на следующих эта-

Анализ клиника- экспериментальных расстройств восприя- тия

пах анализа, используя уже такое обобщенное представление об особенностях поведения испытуемого, сопоставляя факторы, способствующие тому или иному способу достижения цели по всем рассказам, определяя наиболее значимые из таких факторов, анализируя цели, которые ставят перед собой персонажи, выделяя наиболее актуальные из них и т. д., мы сможем подойти к решению вопроса о том, каковы те мотивы и потребности испытуемого, которые являются причинными факторами, детерминирующими тип и конфигурацию шаблонов его поведения.

На настоящем этапе исследования мы можем лишь предположить, что стиль поведения, понимаемый как относительно инвариантная структура способов достижения целей, произведен от иерархической системы личностных смыслов субъекта. Складываясь в жизни, деятельности, он обнаруживает себя в избирательности целей и средств, в продуктивности отдельных действий, яркости и «знаке» эмоциональных переживаний. Эти особенности делают систему личностных смыслов действительным регулятором деятельности и ее динамики. Механизмом, осуществляющим эту регуляцию, возможно, является установка.

Отстаивая гипотезу о личностном смысле и установке как механизмах проекции в проективных методах, мы не исключаем, что в отдельных случаях содержанием проекции могут стать непосредственно проявляющиеся конфликты и «значимые переживания» (Бассин, 1974). Аффекты, конфликтные переживания могут нарушить нормальную регуляцию деятельности, привести к ее дезорганизации, и тогда в качестве мотивов начинают выступать аффективные образования. Задачи, стоящие перед патопсихологом в психоневрологической клинике, часто требуют вскрытия именно конфликтов личности. В связи с этими задачами проективные методы совместно с биографическим и аналитическим материалом могут дать врачу ценную информацию.

•

В связи с анализом нашей проблемы представляет интерес обращение к материалу патологии. Различные виды патологии зрительного восприятия издавна являлись предметом изучения в психиатрии и неврологии. Мы не будем касаться здесь феноменологии расстройств восприятия, ограничимся собственно психологическим аспектом этой проблемы. Классические исследования в области патологии восприятия мы находим в клинике локальных мозговых поражений при анализе агнозий. Известно, что больные с массивным поражением широкой зрительной сферы не могут опознать простые предметы или их изображения. В менее выраженных случаях больной правильно узнает простые по структуре и знакомые объекты, но оказывается не в состоянии правильно оценить более сложные, для опознания которых требуется соотнесение между собой многих признаков и элементов. Существенной чертой этих нарушений является сохранность чувственной стороны воспринимаемого при невозможности придать ей значение. Это дало основание говорить о нарушении «категориальности» восприятия (Гольдштейн, Гельб, 1920), «нарушении смыслового восприятия» (Зейгарник, Биренбаум, 1935; Биренбаум, 1948), нарушении единства и взаимопроникновения чувственного и логического в восприятии (С. Л. Рубинштейн, 1940). Независимо от психологических понятий, в

которых описывались явления оптической агнозии, центральным фактом являлась невозможность одновременного синтезирования большим рядом признаков. В силу этого больные часто судят о значении целого изображения, выделяя один какой-то изолированный признак, что приводит к ошибочным узнаваниям. Это предположение было доказано Биренбаум в простом эксперименте. Больным предъявлялись изображения, в которых открытой оставалась только какая-нибудь одна часть. Интерпретация таких неполных изображений у больных протекала так же, как и полных (в которых они все принимали лишь какую-то изолированную группу деталей; лей), в то время как здоровые испытуемые интерпретировали такие изображения значительно хуже. Биренбаум делает вывод, что в восприятии больных с оптической агнозией преобладают структурные элементы, в результате,⁴ чего нарушается смысловой компонент восприятия.

Отход от традиционного изучения психических «функций» в русле общей психологии нашел свое выражение в новом подходе и к проблемам патологии восприятия. По мнению многих психиатров, в основе психических заболеваний лежит патологическое изменение восприятия человеком окружающего мира и собственного «я» (Роджерс, 1951; Гиляровский, 1955). За рубежом это положение стало исходным при разработке многих методов терапии, оно же обусловило направление ряда экспериментальных исследований. Процесс терапии рассматривается некоторыми зарубежными авторами как взаимодействие двух «партнеров». Терапевтическое воздействие направлено не непосредственно на изменение поведения больного, а прежде всего на выработку у него адекватных способов восприятия (см. сб. «Перцептивные изменения в патопсихологии», ред. У. Иттельсоп и С. Куташ, 1961). Результатом терапии является постепенное изменение «видения» больным сначала врача, а затем и всего окружающего его мира.

В экспериментальных исследованиях обратились к анализу различий в способах восприятия, характерных для больных разной нозологии. Особенно плодотворными оказались исследования восприятия больных шизофренией.

Долгое время среди зарубежных и советских исследователей господствовало мнение об абсолютной сохранности сенсорной и перцептивной сферы больных шизофренией. В то же время имелись факты, свидетельствующие о своеобразии восприятия этих больных. Так, В. Л. Гиляровский (1955) отмечал, что больные часто неправильно узнают предметы или их изображения из-за того, что фиксируют внимание на одной какой-то детали изображения, а не на объекте в целом. Например, изображение жука-рогача могут назвать козликом, а старика с длинной бородой — женщиной. Сходной точки зрения придерживается М. С. Лебединский (1959). Исследуя зрительное восприятие методом тахистоскопического предъявления тест-объектов, он нашел, что наибольшие различия между здоровыми испытуемыми и больными шизофренией проявляются в так называемой «зоне неясных ощущений», когда время экспозиции еще недостаточно для правильного опознания, но когда что-то уже видно. Именно на этом этапе больные дают большое количество ложных «узнаваний» объектов, в то время как здоровые люди лишь описывают то, что видят объективно. Зона неясных ощущений несколько расширена по сравнению с нормой. Интерпретируя результаты исследования, автор отмечает самодовлеющее значение какой-либо детали в отрыве от целого как характерное свойство восприятия больных шизофренией.

На фрагментарность восприятия больных шизофренией указывал С. Ариети (1955). Он отмечает, что больные в дефектной стадии заболевания часто не способны воспринимать целостные стимульные схемы; например, один больной, глядя на сиделку, воспринимал только ее левый глаз, нос, руку и т. п. Ариети также заметил, что при увеличении возбуждения больных эти перцептивные гюдьедипства дробятся на еще более мелкие фрагменты. Подобную дезинтеграцию целостных явлений Ариети называет аухолизмом (awholism). Аналогичные данные были получены при исследовании восприятия сложных сюжетных изображений (Плотников, 1968).

Некоторые авторы связывают указанные феномены с особыми свойствами зрительного внимания больных. В частности, Дж. Сильверман полагает, что объяснить особенности восприятия больных шизофренией можно

исходя из принципа сканирующего контроля и принципа артикуляции поля. Исследованиями Р. Гарднера и его коллег (1961) было показано, что оценка размеров предметов связана со степенью сканирования зрительного поля. Умеренно экстенсивное сканирование в норме обеспечивает минимальную ошибку в оценке размеров (в качестве методики применялась киносъемка движений глаз в процессе решения перцептивной задачи). Иные особенности выявились у больных шизофренией: они проявляют либо чрезмерное, либо минимальное сканирование. По мнению Сильвермана, эти предрасположения могут определяться рядом моментов: типом симптомокомплекса, доболезненными личностными факторами и «стажем» психического заболевания (Сильверман, 1964).

Аналогичная тенденция обнаружилась в экспериментах Г. Виткина: его больные характеризовались крайне выраженными предрасположениями к зависимости или независимости от поля (Виткин, 1954). Предполагают также, что способ реагирования различен у хронических больных и у больных в остром состоянии, которые демонстрируют в основном зависимость от поля, в то время как больные в реактивных состояниях выполняют тесты полнезависимым, аналитическим способом. Указанные различия связаны с особенностями преморбидной личности, ее своеобразными установками, способами реагирования.

В последнее время различные формы патологии восприятия стали рассматривать с точки зрения нарушений в процессе опознания. Так, Ю. Драгуне исследовал перцептивные реакции больных шизофренией на неопределенные и маловероятные стимулы. По предположению автора, хронические больные должны были продемонстрировать склонность к относительно непродуманным, ошибочным интерпретациям перцептивных данных. В одной из методик, применяемых для проверки этой гипотезы, использовались рисунки объектов или жанровые сцены. В эксперименте группам больных и здоровых испытуемых предъявлялись 9 серий картинок — по 12 в каждой, начиная с наименьшей степени ясности изображения. Драгуне обнаружил, что хронические больные формулируют свои предположения значительно раньше и делают больше ошибок, чем здоровые люди. В этих

же экспериментах обнаружилась склонность хронических больных реагировать на диффузные, незначимые свойства стимула (Драгуне, 1963).

В связи с утвердившимся информационным подходом к анализу познавательных процессов патология восприятия стала трактоваться в терминах нарушения процесса приема и переработки информации. Многочисленные экспериментальные данные свидетельствуют о том, что у больных шизофренией нарушен процесс селекции, отбора информации, необходимой для решения конкретной задачи. Т. Векович и Д. Блюэтт (1959), сопоставив особенности мышления и восприятия, пришли к выводу, что больные шизофренией теряют способность к отбору полезной, релевантной информации, в связи с чем в процесс восприятия вовлекается неподходящая «иррелевантная» информация. Больные в большей степени, чем здоровые люди, связаны наличной ситуацией.

Ю. Ф. Поляковым и его сотрудниками была выдвинута гипотеза, по которой в основе типичных для шизофрении нарушений мышления и восприятия лежит механизм нарушения актуализации связей прошлого опыта. Ухудшение избирательной актуализации связей прошлого опыта определяет разные стороны протекания познавательных процессов: продуктивность деятельности, время реакции, пороги восприятия. При этом в определенных ситуациях, требующих обращения к мало значимым, «латентным» свойствам среды, больные обладают некоторыми преимуществами по сравнению со здоровыми людьми, например понижение порога восприятия необычных зрительных и слуховых стимулов, облегчение решения некоторых проблемных задач и т. д. (Фейгенберг, 1958; Богданов, 1965; Поляков, 1969; и др.).

Большое значение для понимания механизмов нарушения восприятия имели исследования роли моторных компонентов. Как показали такие исследования, в норме восприятие сложного изображения включает поисковые движения глаз, вычленение наиболее информативных точек, сопоставление их между собой и построение определенных гипотез. При этом изменение инструкции существенно изменяет направление поиска, глаз испытуемого начинает выделять новые опорные элементы в соответствии со смыслом задачи (Ярбус, 1965).

Проблема мотивации познавательных процессов в советской психологии

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В НОРМЕ И ПАТОЛОГИИ

Неправомерность отрыва познавательных процессов от их носителя-личности, ее потребностей и мотивов неоднократно подчеркивалась в советской психологии (см., например, С. Л. Рубинштейн, 1946; Божович, 1968; Л. Н. Леонтьев, 1974; Шорохова, 1974). Еще в 1934 году Л. С. Выготский писал: «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления» (1956, стр. 54). Однако и в настоящее время вопрос о соотношении «функций» и «личности» — предмет острых дискуссий.

Трудность реализации личностного подхода связана, в частности, с решением вопроса о «личностных факторах» или коррелятах психической деятельности.

С. Л. Рубинштейн, анализируя прежде всего методологический аспект проблемы, исходил из единства детерминистического и личностного подхода: «При объяснении любых психических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия... Поэтому введение личности в психологию представляет собой необхо-

Иные результаты были получены при исследовании больных с лобным синдромом. Процесс активного поиска оказался нарушенным у этих больных в разных своих звеньях. Вследствие нарушения программы действий больные не осуществляют планомерного поиска информативных элементов, поисковые движения не направляются определенными гипотезами. Их поиск остается хаотичным и легко попадает под влияние непосредственно действующего поля (Тихомиров, 1969). Часто взор больных выделяет одну какую-то деталь изображения и на основании этого фрагмента делается вывод о смысле картины в целом. Изменения инструкции, определяющей задачу в процессе рассматривания картины, не вносят в движения глаз больных никаких изменений (Лурия, Карпов, Ярбус, 1965). По гипотезе А. Р. Лурия, в основе нарушений восприятия у лобных больных лежат известные нарушения последовательных проприоцептивных синтезов, а также патологическая инертность нервных процессов, проявляющаяся как в двигательной, так и в сенсорной сфере (Лурия, 1969).

Клинический и экспериментальный материал, полученный в ряде исследований, указывает на наличие какого-то общего фактора, лежащего в основе различных по феноменологии нарушений восприятия. В частности, кажется очевидной зависимость многих патологических проявлений в сфере восприятия от особенностей личности больного и характера деятельности, осуществляемой им в процессе восприятия. Однако неоднородность, а порой и противоречивость теоретических позиций авторов, многообразие методических приемов затрудняют интерпретацию полученных данных на основе единой психологической концепции.

ж

димую предпосылку для объяснения психических явлений» (С. Л. Рубинштейн, 1973, стр. 242). Под «внутренними условиями» понимается, во-первых, система мотивов и задач, которые ставит себе человек; во-вторых, свойства его характера и, наконец, способности, т. е. свойства, делающие его пригодным к общественно обусловленным видам деятельности.

Каким же должен быть методический путь, реализующий личностный подход? Прежде всего — изучение психических процессов в деятельности и через деятельность. Многочисленные экспериментальные исследования доказали зависимость развития и структуры сенсорных и перцептивных процессов, а также двигательной сферы от задач и характера практической деятельности, в которую они включены (Кравков, Ананьев, П. И. Зинченко, В. П. Зинченко, Гиппенрейтер и др.). Вместе с тем «исчерпывающее рассмотрение психических процессов — восприятия, мышления... должно включать и «личностный», мотивационный аспект соотвествующей деятельности, т. е. выявить в них отношение личности к задачам, которые перед ней встают» (С. Л. Рубинштейн, 1973, стр. 247). Таким образом, согласно С. Л. Рубинштейну, личностным фактором или личностным компонентом психической деятельности является отношение субъекта. Но не только оно; определенное значение будут иметь индивидуальные свойства его характера и индивидуальные особенности протекания психических процессов. Несколько иначе стоит эта проблема в теории А. Н. Леонтьева. Развивая известное положение К. Маркса¹, А. Н. Леонтьев в качестве базиса личности рассматривает иерархию деятельностей. Самое же структуру личности, по А. Н. Леонтьеву, образует система открывающихся за деятельностью мотивов. Такой подход к психологии личности позволяет избежать традиционного противопоставления «личностной психологии» и «психологии функций», так как невозможно противопоставлять личность порождающей ее деятельности (А. Н. Леонтьев, 1974). Более того, лишается смысла деление на «личностные» и «нейтральные» фак-

¹ «...Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. II, т. 3, стр. 3).

торы. В контексте деятельности любой психической процесс или способность могут стать «значимыми». Но причастность к личности не постулируется в виде инстинктов или «промежуточных» переменных; она рождается в самой деятельности и вне ее просто не существует. Только через анализ деятельности лежит путь к пониманию природы пристрастности, субъективности психического отражения человека. В отличие от С. Л. Рубинштейна А. Н. Леонтьев считает, что индивидуальные особенности деятельности и характер не входят в личностный аспект деятельности. Мотивы, их иерархия и обусловленная ими динамика деятельности — вот что составляет личностный компонент деятельности. Остановимся более детально на некоторых положениях теории Деятельности А. Н. Леонтьева.

С психологической точки зрения деятельность — это «система, имеющая свое строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие» (А. Н. Леонтьев, 1972, стр. 98). Деятельность опосредствуется и регулируется сознательным отражением предметного мира. Системно-структурное исследование позволяет выделить образующие деятельности: во-первых, сами деятельности, которые различаются по критерию побуждающих мотивов; во-вторых, действия, соотносительные сознательным целям; в-третьих, операции, непосредственно отвечающие условиям достижения конкретной цели.

Важно отметить, что структура деятельности подвижна, отдельные образующие могут укрупняться или дробиться. Каковы же условия перестройки деятельности? Некоторые из них известны: это, с одной стороны, йнтоматизация действий и превращение их в операции; При этом прежде сознательные цели теряют свою самостоятельность и перестают выделяться субъектом в качестве таковых. С другой стороны, цель, ранее не побуждавшая к деятельности, может обрести побудительную силу, вследствие чего действие становится деятельностью. В иных случаях обычно безличное и автоматизированные операции могут обрести личностную значимость в глазах субъекта и превратиться в буквальную цель и смысл жизни.

А. Н. Леонтьев различает две функции мотивов: побуждение и смыслообразование. В силу обычной полифункциональности деятельности эти функции могут рас-

пределяться между разными мотивами, так что одни мотивы становятся смыслообразующими, другие — побудителями, стимулами. Именно распределение функций побуждения и смыслообразования создает иерархию мотивов, причем смыслообразующие мотивы в этой иерархии всегда занимают более высокое место. Установить, какую функцию выполняет в деятельности тот или иной мотив, можно не иначе, как объективно, путем анализа деятельности, ее динамики.

Пожалуй, нигде подход «личность через деятельность» не получил такого распространения, как в психологии. И это естественно, поскольку задачи, стоящие перед психологом в клинике, не ограничиваются констатацией степени снижения или распада той или иной «функции». Психическая болезнь — это всегда недуг личности, и попятить его, психологически квалифицировать можно только через анализ мотивов, отношений --деятельности личности. Органическое поражение мозга причина психического заболевания, а его следствием является реакция личности — разнообразные изменения структуры деятельности, иерархии мотивов и отношений. Например, при хроническом алкоголизме ведущей и смыслообразующей становится потребность в алкоголе, деятельность теряет свой опосредствованный характер. Эпилепсия, напротив, обуславливает иные особенности деятельности и мотивации: отдельные операции, лишённые для здорового человека всякого смысла, приобретают в глазах больных значимость, становятся самостоятельной деятельностью (Бондарева, 1969; Онзерман, 1972; Братусь, 1974).

Деятельностный подход позволяет также рассматривать многие виды патологии познавательных процессов как обусловленные общими нарушениями личности и деятельности (Зейгарник, 1971). Такие нарушения мышления, как «искажение уровня обобщения», «тенденция к актуализации маловероятных признаков», «разноплановость» и т. д., по мнению Б. В. Зейгарник, выводимы из специфических особенностей мотивационной сферы больных (Зейгарник, 1973).

Таким образом, мы были вправе ожидать, что исследование больных с выраженными нарушениями личности позволит выявить связь между ними и соответствующими особенностями восприятия. Мы полагаем также,

что в одних и тех же условиях деятельность больных и здоровых будет иметь разную структуру, обусловленную нарушением у больных смыслообразующей функции мотива.

Попытки экспериментального исследования роли мотивации восприятия исходя из теории деятельности наталкиваются на ряд трудностей. Прежде всего необходимо создать такую модель восприятия, в которой нашли бы свое место «образующие» деятельности. Для этого нужно, чтобы перцептивная задача была достаточно сложной, а ее условия неопределенны, что и приведет к «развертке» процесса восприятия. Кроме того, чем содержательнее задача, тем более вероятно, что она заинтересует испытуемого. Как известно, задача сама по себе не способна вызвать «пристрастность» субъекта и побудить его к целенаправленной активности, поэтому мотивацию необходимо создать. В качестве методических приемов можно использовать словесную инструкцию, отношение экспериментатора, элементы игровой ситуации и соревнования. Возможность такого пути была в свое время доказана исследованиями А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца, а еще раньше — классическими экспериментами К. Левина и ряда других исследователей, создававших таким образом «включенность я». Можно, однако, задать вопрос: по какому основанию выбираются экспериментальные мотивы и сколь высока вероятность их «принятия» испытуемым? В выборе инструкции-мотива экспериментатор может руководствоваться общепсихологическими критериями развития и функционирования нормальной личности. Например, известно, что игра в дошкольном возрасте является ведущей деятельностью, и поэтому логично предположить, что в ситуации эксперимента действенным окажется именно игровой мотив.

Очень важными оказываются также данные психиатрии. Клинические сведения о больном, история его жизни и заболевания часто очень информативны в отношении тех или иных нарушений, тех или иных особенностей личности. Если мы знаем, что больной К. бросил любимую работу, перестал интересоваться наукой, которой прежде посвящал все свое время, если вольной апатичен и дни проводит в бездействии, напрашивается вывод, что мотивы, прежде действенные, по-

•теряли для него свою привлекательность и престиж. Это значит, что в ситуации эксперимента у такого больного будет чрезвычайно трудно создать, например, познавательную мотивацию — побудить и смыслообразовать его деятельность, она не сможет. Что касается принятия экспериментального мотива, то критерием это как раз и служит анализ деятельности испытуемого, неприятие же мотива, отсутствие определенного отношения к ситуации эксперимента само по себе является диагностическим показателем.

Как методический прием использование инструкции мотива с целью создания у испытуемого определенного отношения к задаче аналогично выработке у него соответствующей установки.

*УСТАНОВКА КАК МОДУС ЛИЧНОСТИ
И МЕХАНИЗМ ВОСПРИЯТИЯ
В ГРУЗИНСКОЙ ШКОЛЕ УСТАНОВКИ*

В отечественной психологии первая экспериментальная попытка рассматривать установку в системе личность—восприятие принадлежит школе Д. Н. Узнадзе. Не останавливаясь на описании экспериментальной схемы, отметим, что непременным условием возникновения установки является наличие совместного и согласованного воздействия ситуации и потребности на субъекта. Ни потребность сама по себе, ни действующая на организм стимуляция не способны вызвать целенаправленное поведение. В каждый конкретный момент деятельности установка отражает определенное состояние личности, ее «модус». В установке фокусируются все те внутренние, динамические отношения, которые опосредствуют в индивиде психологический эффект стимульных воздействий. Не являясь специфической относительно какой-либо психической функции, установка не замкнута в пределах одного рецептора, а является целостным состоянием субъекта. Изучение процесса угасания установки может служить индикатором типологических особенностей личности. Так, среди испытуемых были найдены индивидуальные различия в степени прочности установки, ее динамичности или статичности. Дифферен-

цильными критериями могут служить также и другие свойства установки: пластичность, грубость, иррадиированность, генерализованность, константность, вариабельность, стабильность и т. д.

Интересные результаты были получены при изучении установки в психопатологии. Классические исследования выявили особенности установки, типичные для больных различных нозологических форм. Так, например, установка больных шизофренией характеризуется в основном как прочные, грубые, статичные, стабильные и иррадиированные. В случае эпилепсии основной поведением становится грубостатичная, локальная, фиксированная установка. По предположению Д. И. Узнадзе (1966) в основе указанных особенностей лежит слабость объективации.

Установка может вырабатываться не только на количественные, но и на качественные свойства референтов. В большинстве случаев действие такой установки сопровождается ассимилятивными иллюзиями. В экспериментах З. И. Ходжава вырабатывалась установка на чтение «нейтрального шрифта». Если испытуемым многократно предлагать бессмысленные слова, написанные латинским шрифтом, то в критическом опыте испытуемые начинают читать общеупотребительные русские слова как бессмысленные латинские. Например, слово «почва» читается как «порба» (Ходжава, 1961). Аналогичные результаты получены Н. Л. Элиава. После многократного тахистоскопического предъявления какого-либо тест-объекта, например изображения балерины, испытуемый новое изображение — бабочку на цветке — продолжает воспринимать как балерину. Формирование адекватного образа происходит в результате взаимодействия между фиксированной установкой субъекта и объективными свойствами предмета, в итоге совершается переход фиксированной установки в новую, соответствующую изменившимся объективным условиям (Элиава, 1961).

Приведенные здесь данные касались главным образом свойств так называемой фиксированной установки, т. е. установки, сформированной на основе многократно повторяющегося воздействия определенной ситуации. Однако ситуация является лишь одним из факторов возникновения установки. В экспериментах П. Н. Чхарти-

швили исследованию подвергался субъективный фактор установки — потребность. Именно потребность выступала в качестве основной переменной, ситуация же на всем протяжении экспериментов оставалась неизменной. Этот метод позволял исследовать «дофиксированную» установку, которая возникает до начала активности и впервые только организует активность данного конкретного вида. В одной из работ, в частности, было показано, что потребность может изменить объективно данное количественное отношение, никогда ранее с ней не связанное. Так, испытуемый может из пары равных кругов воспринять в качестве большего тот круг, который мог бы обусловить выигрыш желательного предмета в «лотерее», если бы он был в самом деле большим (Чхвартишвили, 1966). Эти данные подтвердились и в последующих исследованиях того же автора. Сказалось, что, создавая у испытуемых различные потребности (желание пойти на футбольный матч, выиграть какой-то предмет в лотерею или получить вознаграждение), можно изменять восприятие испытуемых в сторону удовлетворения соответствующей потребности. По мнению Ш. Н. Чхартшвили, не потребность сама по себе изменяет восприятие, по потребность воздействует на восприятие посредством установки. Установка, объединяющая потребность и ситуацию в одну целостную динамическую структуру, опосредствует влияние потребности на акт восприятия (Чхартшвили, 1971). Эти исследования представляются особенно важными как в теоретическом, так и в методическом отношении, поскольку установка в них выступает в "непосредственной связи с личностью. В отличие от фиксированной установки, образующейся на основе учета вероятностных характеристик ситуации, дофиксированная установка складывается на основе мотивации деятельности и выражает отношение субъекта к цели. Личностный аспект установки выражается, таким образом, в ее способности придавать деятельности целенаправленность. В качестве экспериментального приема оказалось возможным использовать инструкцию, задающую тот или иной мотив. Этот прием был использован и в нашем исследовании.

%

Исследование процесса восприятия в условиях разной мотивации

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Влияние мотивации на восприятие было предметом исследования многих зарубежных (главным образом психоаналитически ориентированных) теорий. Но, как показывает их анализ, за различием в понимании частных аспектов проблемы можно увидеть общие для всех представления о психологической природе личности и восприятия. В основе этих теорий лежит пресловутая схема «двух факторов» (А. Н. Леонтьев, 1974). Применительно к восприятию она раскрывается в концепции двух факторов, детерминирующих процесс и продукт восприятия: внешних, стимульных и внутренних, мотивационных. Между тем очевидно, что вне деятельности ни те, ни другие «факторы» не детерминируют восприятие. Они являются условиями, в которых реализуется деятельность субъекта.

Игнорированием категории деятельности объясняется тот факт, что постулируемое в этих теориях единство личности и познавательных процессов на деле является не более, чем «корреляцией», не вскрывающей сущности этого единства. Таким образом, природа восприятия не выводима из внешних или внутренних факторов. Изучение роли потребностей, ценностей и пр. представляет несомненный интерес, по уже в качестве конкретных условий протекания перцептивного процесса.

Работами А. Н. Леонтьева, А. В. Запорожца, Н. А. Бернштейна показано, что эффективность выполнения задачи — двигательной или мнестической — зависит от того, какой смысл она приобретает для субъекта; в контексте деятельности. В своей работе мы предположили, что не только результат деятельности, но и ее динамика хотя бы отчасти будет определяться мотивом, точнее, отношением испытуемого к перцептивной задаче. Цель исследования состояла в изучении влияния искусственно созданного в эксперименте мотива на опознание сложных сюжетных и структурных изображений. Для проверки и контроля полученных результатов исследовались группы психически больных с выраженными изменениями личности.

*МЕТОДИКА
И ХАРАКТЕРИСТИКА ИСПЫТУЕМЫХ*

В нашем эксперименте мотивация создавалась, во-первых, с помощью трех инструкций («глухая», «исследование воображения», «исследование умственных способностей»), а во-вторых, использованием изображений объектов различной степени неопределенности.

Работы В. Н. Мясищева и Р. И. Мееровича, Д. Н. Узнадзе и других продемонстрировали возможность создания у испытуемых определенных отношений, установок путем изменения ситуации эксперимента. О возможности динамического влияния ситуации на формирование потребностей свидетельствуют многочисленные исследования К. Левина и его сотрудников. Наконеч, правомерность указанного методического приема вытекает из концепции деятельности А. Н. Леонтьева. «Необходимо только особенно подчеркнуть, — пишет А. Н. Леонтьев, — что термин «мотив» мы употребляем не для обозначения переживания потребности, но как означающий то объективное, в чем эта потребность конкретизируется в данных условиях и на что направляется деятельность, как на побуждающее ее» (А. Н. Леонтьев, 1959, стр. 225—226). Инструкция в условиях эксперимента и является тем «объективным», в чем конкретизируется потребность испытуемого, согласившегося принять участие в психо-

логическом исследовании. Конечно, не все испытуемые «принимают» инструкцию; в некоторых случаях их деятельность может побуждаться совершенно иными мотивами. Однако мы вправе допустить, что для наших здоровых испытуемых, как правило, добровольно и бескорыстно принимающих участие в экспериментах, инструкция создает не просто «знаемый», но «реально действующий» мотив. К тому же решение этого вопроса возможно лишь путем психологического анализа самой деятельности испытуемых, что мы и попытаемся осуществить в настоящей работе.

Использование в качестве перцептивного материала сюжетных и структурных изображений различной степени неопределенности было продиктовано следующими соображениями:

а) неопределенность перцептивного материала способствует проявлению (некоторых форм личностной активности.

б) неопределенность перцептивного материала выполняла в экспериментах и более специальную функцию, а именно усиливала мотивационное влияние инструкции: подчеркивала непонятность задания при глухой инструкции (вариант А);

создавала возможность неоднозначной интерпретации картинок при «исследовании воображения» (вариант В);

затрудняла определение содержания картинок при «исследовании умственных способностей» (вариант С).

Неопределенность картин характеризовалась эмпирически через необычность, противоречивость или слабую структурированность изображения. Степень неопределенности каждой картинки оценивалась самим испытуемым по четырехбалльной системе. Первый номер получали «самые ясные, понятные, определенные изображения», четвертый — «самые неясные, непонятные, неопределенные».

Процедуры исследования состояли в следующем. В предварительной части эксперимента сообщалось, что психологическое исследование проводится с определенными научными целями и испытуемых просят серьезно и ответственно отнестись к предлагаемому заданию. В основной экспериментальной серии испытуемым предъявлялись наборы картинок различной степени

сюжетной и структурной неопределенности (см. приложение). Структурными (в отличие от сюжетных) мы называли такие картинки, интерпретация которых требовала идентификации некоторого объекта, а не ситуации.

В варианте А (глухая инструкция) карточки-картинки (набор А) предлагались с неопределенной инструкцией: «Посмотрите на эти картинки, что изображено Н;И каждой из них?»

При проведении этой части исследования экспериментатору полагалось быть как можно менее пристрастным, не проявлять интереса к деятельности испытуемых, не отвечать на вопросы о цели задания.

В варианте В (исследование воображения) сообщалось, что исследование ставит своей целью изучение фантазии, воображения, так что для правильного выполнения задания испытуемому необходимо проявить свои творческие способности. Вслед за этим предлагались карточки-картинки набора В с инструкцией: «Расскажите, что изображено на каждой из картинок?».

В случае необходимости экспериментатор мог дополнять, развивать инструкцию с тем, чтобы создать у испытуемых соответствующее отношение к заданию.

В варианте С (исследование интеллекта) испытуемых предупреждали, что исследование проводится с целью определения их умственных способностей. Для усиления мотивационного влияния инструкции, а также для того, чтобы такая мотивировка выглядела убедительной, предлагались задания, где экспериментатор якобы оценивал «интеллект» испытуемых. С этой целью применялись известные в патопсихологической практике методики «Существенные признаки» и «Сложные аналогии». Экспериментатор сознательно усложнял проведение этой части опыта с тем, чтобы создать у испытуемых впечатление «сложности» заданий и показать, что для их правильного выполнения необходимо сопоставление некоторых данных, их тщательный анализ и т. д. В основной части эксперимента предъявлялись карточки-картинки набора С со следующей инструкцией: «Это самое трудное задание, оно требует умения анализировать, рассуждать. Я попрошу Вас определить, что изображено на каждой из этих картинок?».

В эксперименте участвовало 45 здоровых испытуе-

МУХ в возрасте от 18 до 30 лет со средним и неполным высшим образованием, 50 больных шизофренией (30 человек с параноидной и 20 — с простой вялотекущей формой), 40 человек с эпилептической болезнью, 10 человек с локальным поражением лобных долей мозга.

Общим для клинической характеристики больных шизофренией являлось наличие у них бредовых расстройств, зрительных или слуховых галлюцинаций, иногда с элементами психического автоматизма.

Больные с простой вялотекущей формой шизофрении характеризовались снижением активности, нарастанием отчужденности, безразличием к окружающему.

В группу больных эпилепсией входили больные эпилептической болезнью разного генеза, с клинически выраженными изменениями личности. В психическом состоянии больных, как правило, отсутствует психотическая симптоматика, преобладают данные об общем интеллектуальном снижении, вязкости, инертности мыслительных и эмоциональных процессов.

Исследованных больных с «лобным синдромом» характеризовали выраженные нарушения деятельности в виде импульсивности, нецеленаправленности, отсутствия критичности к своему заболеванию.

Для анализа полученных данных были выбраны критерии, позволяющие судить об эффективности воздействия экспериментально созданной мотивации на процесс восприятия. Одним из основных показателей служил качественный анализ структуры деятельности, общего поведения и эмоциональных реакций испытуемых. Кроме того, подсчитывалось: 1) среднее количество гипотез на каждую картинку; 2) «широта» системы гипотез для каждой картинки; 3) частота актуализации каждой гипотезы; 4) количество формальных ответов (в процентах). Сравнивались результаты исследования разных экспериментальных групп в условиях по-разному мотивированных форм деятельности.

К

Глава VII *Апробация методики на здоровых испытуемых*

Вариант А

При предъявлении карточек-картинок *n* условиях глухой инструкции большинство испытуемых выдвигают гипотезы¹. Высказывания могут быть более или менее развернуты, первоначальное предположение может дополняться, развивая некоторый сюжет, или заменяться новыми. При интерпретации сюжетных изображений особое внимание обращается на передачу эмоционального содержания картинок. Например, испытуемый Х. говорит: «Что-то ужасное происходит, наверное, начинается война. Женщины всем своим видом выражают ненависть и горечь» (А₁).

При описании структурных изображений испытуемые пытаются определить, на что могут быть похожи изображения, иногда передают общее впечатление, настроение от картинки: «Типа абстрактных фотографий, похоже на вечернюю воду, которую кто-то плещет. Общее настроение сумеречное, слегка гнетущее» (А₂, испытуемый В.). Некоторые испытуемые выдвигают не одно, а несколько предположений, при этом гипотезы могут относиться и к картинке в целом, и к отдельным ее элементам. Например: «Разорванная шкура барана, внутри

¹ Гипотезой мы называли высказывание о сюжете или объекте изображения. Формальные описания, отказы и ответы, в виде свободных ассоциаций, по определению, не являются гипотезами, и они подчитывались отдельно.

форма головы, на голове что-то вроде наполеоновской треуголки..., в целом — амеба» (А₃).

Иными словами, деятельность здоровых испытуемых, как правило, направлена на раскрытие содержания предъявляемых изображений. Но возможно и другое. Часть испытуемых, например, ограничивается формальным описанием элементов изображения или констатацией некоторого события, состояния персонажей. Структурно неопределенные картинки вызывают отказы, дискредитацию задания или замечания о собственной некомпетентности в деятельности подобного рода. «Для абстрактной картины слабовато» (А₂). «Во всяких микросъемках я не силен, так что не берусь судить, что это такое» (А₃). По отношению к содержательным высказываниям формальные ответы составляют около 15%.

Таким образом, при отсутствии четкой мотивации экспериментального задания деятельность испытуемых строится различно.

Один вид деятельности характеризуется направленностью на содержательную интерпретацию картинок и реализуется выдвижением гипотез относительно сюжета или объекта изображения. При втором виде деятельности² отсутствует направленность на содержательную интерпретацию, испытуемые не выдвигают гипотез, а ограничиваются лишь формальными ответами. Очевидно, что эти виды деятельности побуждаются различными мотивами и тем самым имеют для испытуемых разный личностный смысл. Рассмотрим, какие мотивы лежат в основе выделенных типов деятельности.

Обратимся к анализу первого и основного вида деятельности. Одним из мотивов, побуждающих и направляющих процесс выдвижения гипотез, является «собственный мотив восприятия», по терминологии Р. Вудворта (СМВ)³.

² Строго говоря, наблюдаемое перцептивное поведение нельзя назвать деятельностью по причинам, которые мы рассмотрим ниже. В данном случае термин «деятельность» употребляется условно.

³ Вудвортс считает, что в каждой данной ситуации восприятие побуждается мотивом, который можно условно назвать «желанием воспринимать». Этот непосредственный перцептивный мотив не исключает в то же время каких-то иных мотивов, лежащих вне восприятия. Функцией собственного мотива восприятия является

Конечно, СМВ — не мотив, если понимать мотив как опредмеченную потребность; скорее он выступает в качестве непосредственного побудителя перцептивного процесса. Сила этого мотива определяется, по-видимому, некоторыми свойствами стимульного материала, например степенью знакомства, сложности. Хорошо знакомый, простой стимул, равно как абсолютно новый и очень сложный, ограничивает побудительную силу собственного мотива восприятия. Это препятствует развитию исследовательской деятельности, вызывая в ряде случаев лишь кратковременную ориентировочную реакцию. Тем не менее именно СМВ инициирует процесс выдвижения гипотез в ответ на предъявление картинок.

Наряду с СМВ восприятие испытывает влияние и со стороны других, более сложных, опосредствованных форм мотивации. Как самостоятельная деятельность восприятие связано с довольно узким кругом мотивов, отвечающих задачам практической или научной деятельности человека. В большинстве случаев восприятие выступает в качестве процесса, реализующего более широкий тип деятельности. Занимая в структуре этой деятельности место действия, восприятие побуждается мотивом деятельности, в состав которой оно входит. В нашем исследовании в условиях глухой инструкции процесс восприятия не имел экспериментально заданной мотивации. Однако это не значит, что восприятие испытуемых побуждалось и направлялось исключительно собственным мотивом восприятия. Любое психологическое исследование — направлено ли оно на исследование восприятия, памяти или интеллектуальных способностей — для здорового человека представляет собой ситуацию экспертизы и уже в силу этого обладает для него побудительной силой, имеет какой-то личностный смысл. Эта особенность ситуации эксперимента была издавна известна психологам-экспериментаторам, всеми силами старавшимся изгнать фактор субъективности из сферы психологического анализа. Впрочем, не все психологи считали вмешательство субъективности фактором сугубо отрицательным. Некоторые из них, например

прежде всего активация и рефлекторная установка зрительного анализатора, инициирование исследовательской перцептивной деятельности. (Вудвортс, 1947).

К. Левин, полагали, что только пристрастность испытуемого, наличие у него определенного отношения к экспериментальной ситуации создают самую возможность для объективного психологического исследования. По мнению Б. В. Зейгарник, психологический эксперимент, являясь моделью частных жизненных ситуаций, всегда испытывает влияние со стороны более широких жизненных отношений и потому всегда имеет для испытуемого тот или иной смысл. Безразличие, отсутствие интереса к ситуации эксперимента часто является проявлением грубых личностных расстройств (Зейгарник, 1971).

Таким образом, в условиях глухой инструкции деятельность испытуемых, будучи направлена на содержательную интерпретацию картинок, объективно побуждалась двумя мотивами: тем, что мы условно назвали собственным мотивом восприятия, и тем, что мы называем мотивом экспертизы⁴. Эти мотивы находятся в определенном отношении: мотив экспертизы порожден и опосредован социальными установками испытуемых. Он не только побуждает деятельность, но и придает ей личностный смысл. Собственный мотив восприятия выступает в роли непосредственного побудителя, никакой смыслообразующей функцией в условиях нашего эксперимента он не обладает. При их совместном действии мотив экспертизы может «сверху» влиять на СМВ, усиливая и продлевая действие последнего. Именно совместное действие этих мотивов обеспечивает установку на содержательную интерпретацию картинок.

В структуре этой экспериментальной деятельности процесс выдвижения гипотез занимает место действия. Итогом его является создание некоторой интерпретации картинки в соответствии с ее объективным значением (термин «значение» употребляется здесь в рамках концепции Леонтьева).

Обратимся к анализу деятельности второго типа. Ее главная особенность заключается в том, что при предъявлении картинок испытуемые не строили гипотез относительно сюжета или объекта изображения, а ограничивались ответами формального характера. Как мы уже

Это не означает, что в отдельных случаях могли иметь мести и другие мотивы, однако мы полагаем, что выделенные мотивы являлись ведущими.

говорили, формальные ответы включали констатации непосредственно данного содержания картинки, описания отдельных элементов изображения, отказы от содержательной интерпретации. Такие высказывания в группе здоровых испытуемых составляют около 15% ответов. Этот результат на первый взгляд кажется парадоксальным и требует некоторых пояснений. Наблюдения за ходом эксперимента, материалы самоотчетов показывают, что здоровые испытуемые, как правило, охотно участвуют в эксперименте. Предъявление карточек-картинок с глухой инструкцией часто вызывает яркую эмоциональную реакцию, недоумения, вопросы относительно цели задания и способов его выполнения. В этих условиях формальные ответы появлялись как результат несоответствия между представлением о «психологических опытах», которое имелось у большинства испытуемых, и кажущейся простотой задания. К тому же не для всех испытуемых мотив экспертизы являлся одинаково сильным побудителем. В этих условиях восприятие испытывало побуждение только со стороны СМВ. Как мы уже говорили, СМВ не обладает смыслообразующей силой и не создает установку на содержательную интерпретацию.

Посмотрим, какими особенностями характеризуется восприятие при направленности на содержательную интерпретацию картинок.

Как мы уже указывали, в этих случаях процесс восприятия протекает в форме выдвижения испытуемыми ряда гипотез. Одним из важнейших параметров, характеризующих гипотезу, является ее адекватность. Под адекватностью мы понимали соответствие предлагаемой гипотезы стандартной интерпретации картинки или ее объективному значению. Очевидно, что с достаточной определенностью об адекватности гипотез можно говорить только в отношении очень простых изображений. Чем более сложным (неопределенным) является сюжетное или структурное изображение, тем труднее установить степень адекватности гипотез. Мы исходили из предположения, что формально мерой адекватности гипотез может служить степень их стандартности относительно нормы. Отклонения же от стандарта мы расценивали как преобладание в интерпретации смысла над значением. Обратимся к анализу гипотез, предлагаемых

в группе здоровых испытуемых при интерпретации каждой картинки⁵.

Карточку А₁ большинство испытуемых интерпретирует как «события во время войны». В круг стандартных гипотез входят, однако, и такие гипотезы, как «забирают в тюрьму», «провода родственников», «притеснение властей». Гипотеза «женщина думает о самоубийстве» встретила в данной группе лишь однажды.

Среди гипотез, которые предлагаются при описании структурных изображений, также можно выделить группы стандартных и редких гипотез. При предъявлении карточки А₂ большинство испытуемых ориентируется на три наиболее ярких элемента картинки, интерпретируя их соответственно как «море, озеро, река», «растительность — деревья, цветы», «взрыв» и «рябь на воде». Всего же при интерпретации карточки испытуемые выдвигают 14 гипотез, большая часть из которых приходится на долю стандартных гипотез.

Наиболее широкий круг гипотез актуализирует карточка А₃, причем гипотезы типа «женские лица», «животные», «облака» выдвигаются чаще всего.

Итак, высказывания большинства здоровых испытуемых входят в число стандартных гипотез. Это означает, что испытуемые в целом довольно «реалистично» оценивают содержание картинок, используя знания и образы прошлого опыта. Редкие гипотезы возникают, как правило, вследствие недостаточного учета целостной ситуации (сюжетные изображения) или представляют собой индивидуализированные, часто образные, высказывания, не позволяющие отнести их ни к одному из выделенных типов гипотез. Таким образом, изображение картинки выступает для здоровых испытуемых прежде всего со стороны своего значения.

Вариант В

При введении новой инструкции поведение испытуемых существенно изменялось. Они подолгу рассматривали картинку, после эксперимента просили дать оценку⁵ Гипотезы, частота появления которых равна или больше 0,1, условно назовем стандартными для данной группы. Гипотезы с частотой меньше 0,1 будем называть редкими. Следует отметить, что при подсчетах мы имели дело скорее с обобщенными типами гипотез, чем с конкретными индивидуальными гипотезами.

своим способностям, некоторые старались неудачи он радовать ссылками на усталость, неумение фантазировать и т. п. Высказывания испытуемых стали более развернутыми, эмоционально насыщенными, исчезли ответы формального характера.

Другой стала тактика испытуемых. При описании сюжетных картинок темы рассказов тщательно разрабатываются, превращаясь иногда в маленькие «новеллы». Например, испытуемый Л. при предъявлении одной из карточек говорит: «Идет гражданская война. Посреди степи остановился товарняк, едущий на фронт. Они открыли дверь и закурили. Скоро поезд тронется, потом в пути на них нападут белые, их всех у бьют и этого молодого человека тоже. В живых останется только девушка в красной косынке. Она будет всю жизнь оплакивать погибшего Ваню, и своего первого сына также назовет Ваней».

При построении гипотез проводится анализ композиционных элементов изображения, цель которого — раскрытие переживаний, внутреннего мира персонажей. «Очень хороший снимок. Первый взгляд — на руку. Не знаю, может это дефект фотографии, но эти пятна — светильники подчеркивают общее настроение картины — усталость, безнадежность, одиночество, усталый от жизни человек. Ему некуда идти, никто его не ждет. Мне кажется, что это очень умный, образованный, себялюбивый человек» (В₁).

При интерпретации структурных изображений испытуемые не ограничиваются идентификацией объекта. Часто картинка, создавая определенное настроение, становится поводом для свободного ассоциирования. «Ночь, фонари дают блики на воду. Кажется, что в глазах рябит от света. Стоит теплая погода, море спокойно. Проплывая мимо берега, пассажиры видят неоновые огни ближайшего города» (В₂).

Какова же общая характеристика деятельности испытуемых?

С помощью специальной инструкции мы включали процесс восприятия в так называемую деятельность воображения. Анализ показывает, что процесс восприятия (выдвижение гипотез) занимает в структуре этой деятельности место действия и отвечает заданной цели — определению того, что изображено на каждой

картинке. Цель задает направленность перцептивному процессу, однако мотив деятельности испытуемых лежит вовсе не в определении предмета изображения, а в демонстрации собственных способностей к воображению. В силу этого испытуемые не только констатируют некоторое сюжетное или предметное содержание картинки, но вносят в выполнение задания творческий элемент. Например, при интерпретации наиболее определенных, простых картинок составляют небольшой рассказ или, интерпретируя более неопределенные изображения, строят «цепочки гипотез». Таким образом, будучи направленной на раскрытие содержания или идентификацию объекта изображения, деятельность испытуемых перестраивалась в соответствии с новой мотивацией экспериментального задания. Процесс восприятия, включенный в структуру этой деятельности, приобретал специфические черты.

Преобладание стандартных гипотез свидетельствует о том, что изображения выступали перед испытуемыми прежде всего в своем значении.

Таким образом, анализ результатов, полученных в варианте В, показал, что использование инструкции-мотива является в какой-то мере действенным для изменения процесса восприятия. В то же время данная мотивация (исследование воображения) обладает ограниченной смыслообразующей силой и не всегда создает соответствующую установку. Это определяется, видимо, местом, которое занимает воображение в жизни наших испытуемых. Сведения и характеристики, полученные о наших испытуемых, позволяют думать, что для большинства из них воображение не является ведущим типом деятельности и выполняет ограниченные функции. Естественно поэтому, что апелляция к воображению не всегда оказывалась эффективной.

Для дальнейшего исследования мы решили построить модель такой деятельности, которая в структуре личности каждого человека занимает, на наш взгляд, одно из ведущих мест и обладает большой социальной значимостью. Речь идет об интеллектуальной деятельности, так как известно* что оценка интеллектуальных способностей вызывает у людей наиболее сильные эмоциональные реакции. Конечно, такое предположение является достаточно условным, поскольку именно место, которое

занимает данный вид деятельности в шкале эмоциональных оценок, определяет специфическую структуру данной личности. Целью следующей экспериментальной серии являлась проверка этой гипотезы.

Вариант С

Нашими испытуемыми были студенты одного из технических вузов Москвы в возрасте 23—25 лет. Проведению основной части эксперимента предшествовали установочные опыты, где испытуемым предлагалось выполнить ряд заданий якобы с целью исследования их умственных способностей. Выполнение установочных заданий, как правило, не вызывало затруднений, однако благодаря некоторым изменениям, внесенным в методику, позволяло максимально развернуть и вербализовать процесс формирования гипотез. Наблюдения за поведением испытуемых, данные самоотчетов свидетельствуют о том, что почти все испытуемые относились к эксперименту как к своеобразной «экспертизе ума», живо интересовались результатами исследования и оценкой экспериментатора. Непосредственно после выполнения этих заданий предъявлялись карточки-картинки набора С.

В условиях «интеллектуальной» инструкции деятельность испытуемых принимает своеобразную форму развернутого поиска «правильного» решения. Обычно испытуемые тщательно анализируют элементы изображения, сопоставляют их друг с другом. Возникающие в процессе этого поиска гипотезы подтверждаются или отвергаются в ходе последующего анализа.

Яркие примеры деятельности подобного рода дают нам протоколы испытуемого Ж. «Изображена комната, сидит человек, который о чем-то думает. Перед ним бумаги. Рядом шкаф, но домашний, следовательно, это не учреждение. Дальше силуэт женщины, наклонившейся. Неясно вырисовывается что-то вроде уличного фонаря., но лампы три, следовательно, это не может быть уличный фонарь. Круглое пятно,— возможно, луна, но тогда второе пятно уже необъяснимо. Скорее всего, это арка, на которой укреплены три лампы. Возможно, это обычные плафоны. Слева вырисовывается непонят-

ное пятно, похожее на какой-то сосуд, но после дальнейшего рассмотрения — абажур лампы. Следовательно, это лаборатория или, скорее ©сего, читальный зал, где люди занимаются обработкой материалов».

Мы видим, как подробно и тщательно исследует испытуемый структурные элементы картинки. Гипотеза является итогом длительного поэтапного процесса. Широга, экстенсивность поиска будет определяться, по-видимому, степенью неопределенности изображения. Приведенная выписка из протокола относится к картинке, которую сам испытуемый относит к группе наиболее определенных картинок. Приведем ответ того же испытуемого при предъявлении карточки, отнесенной им ко второй группе картинок. «Первое, что бросается в глаза,— это лицо женщины, возможно, матери. Оно светится безысходностью и отчаянием. К ней тянется мальчик, лицо его сходно с выражением лица женщины, матери. Справа пожилая женщина, возможно мать. Она что-то говорит, успокаивает. Сзади вторая женщина, на руках у нее ребенок, на лицах то же самое отчаяние. На заднем плане какие-то люди. Видно, что одеты они неплохо. Зачем они здесь оказались — неясно... Причем, здесь черная женщина с вьющимися волосами, но руки у нее белые. Возможно, недостаток съемки.. Трудно-объяснимо пятно на спине у мальчика — на разрез непохоже... что-то стекает вниз, скорее всего кровь. Тогда можно объяснить, почему так отчаянно смотрят люди. Почему здесь на первом плане женщины и дети, а мужчины в стороне?.. Если бы это было столкновение, то почему с женщинами и детьми? В то же время голова мальчика очень естественно лежит на плече женщины, так что эта версия отпадает... Скорее всего, это момент, когда у людей что-то отнимают очень дорогое... Возможно, из дома выселяют, так как здесь не одна семья, а две... С другой стороны, когда дом отнимают, так не страдают... Возможно, что-то случилось с мужчинами. Мне кажется, это вокзал и мужчин куда-то увозят, поэтому у женщин такие лица».

А вот как выглядит ответ этого испытуемого при предъявлении самой неопределенной карточки (VII таблица Роршаха): «Уж больно неровные края... (испытуемый долго вертит карточку в руках, затем, после замечания экспериментатора, продолжает).. Что-то в центре

правильной формы... похоже на застежку или крапле-ние... Две окультурки — две старушки, причем почти одинаковые... Лицо старика в шапочке с солидным носом... Но в комплексе — неясно. Более праздоподобно — незаконченная вещь, набросок».

Мы видим, что при описании сюжетных изображений испытуемый идет от формального описания элементов ситуации к интерпретации, сначала па основе анализа отдельных элементов, а затем — ситуации в целом. Чем более неопределенным является изображение, тем чаще этапу содержательной интерпретации предшествуют формальные описания. В отдельных случаях (к их анализу мы вернемся позже) при интерпретации наиболее неопределенных изображений испытуемые могут ограничиваться высказываниями формального характера. В целом же разные по степени структурированности изображения испытуемые склонны интерпретировать содержательно. Примерно так же строится процесс восприятия у всех наших испытуемых. Приведем примеры наиболее типичных ответов:

«Мужчина пожилой, в годах уже, седой, сидит за столиком. Стакан чая... Может, пьет в перерыве между работой. Отдыхает, о чем-то думает. Скорее всего... операционная, потому что такая форма лампочек, и тут что-то типа раковины. Но он почему-то без халата... Во всяком случае, человек после работы...» (В₆, С₁).

«На этом снимке изображена поверхность волнистая и вдалеке свет. Сначала похоже на рябь воды, когда дует ветерок, и в то же время освещена восходящим или заходящим солнцем. Если внимательнее — на булыжную мостовую, освещенную двумя фарами машины. На второй версии я и остановлюсь» (В_г, С₂).

«Сначала непонятно — изображено темное пятно, что же оно может напоминать?.. Может, снимок скелета..., если перевернуть — также непонятно... В общем, похоже на летучую мышь и отображение ее в зеркале» (В₃, С₃).

Итак, в условиях интеллектуальной инструкции деятельность принимает форму последовательного анализа элементов изображения, выдвижения и проверки гипотез, отвечая тем самым экспериментальному мотиву. Иначе говоря, мотив становится мотивом-целью. Повидимому, этот эффект отражает значимость для наших испытуемых интеллектуального мотива; именно благо-

дар» этому стало возможным подобное переструктурирование деятельности. Деятельность испытуемых обладала еще одной существенной особенностью — включала в качестве необходимого звена контроль и коррекцию. Не всякое предположение становилось законным, а лишь то, которое давало адекватное представление о картинке. Цель состояла в достижении именно адекватной гипотезы. Если в предыдущих вариантах при интерпретации того или иного изображения гипотезы могли сосуществовать друг с другом, то здесь был необходим выбор. Поэтому ответ испытуемого (особенно при предъявлении наиболее определенных картинок) заканчивался выбором субъективно наиболее «правильной» гипотезы. Это делает понятным и преобладание стандартных гипотез, и то, что редкие гипотезы возникают главным образом как промежуточный этап, а в ходе последующего анализа отторгаются. Исключения составляют структурно наиболее неопределенные изображения (пятна Роршаха), в отношении которых существует большая свобода в выборе ответа и где испытуемые демонстрируют большие индивидуальные различия. Тем не менее и здесь наблюдается тенденция к стандартным ответам. Формальные описания встречаются чрезвычайно редко, и, как оказалось, они тесно связаны с отношением испытуемых к ситуации эксперимента. Обратимся к анализу этих случаев.

Испытуемая Ю. К заданию относится чрезвычайно заинтересованно, пунктуальна в выполнении инструкции. При описании сюжетных картинок испытуемая, анализируя и сопоставляя элементы изображения, строит предположение о сюжете или объекте изображения. Рассказ представляет собой развернутый анализ элементов изображения, включает раскрытие переживания персонажей и собственное отношение к передаваемым событиям. Однако предъявление карт Роршаха вызывает лишь формальные описания, например, такого типа: «наложение изображений, чернильная клякса, картина абстракциониста» и т. п. После эксперимента испытуемая объяснила свой «уход» тем, что «не могла понять, что изображено, а выглядеть дурой не хотелось».

Испытуемый С. К эксперименту относится формально, интереса к заданиям не проявляет. Пришел на экс-

перимент потому, что «было время». Иронически настроен, считает психологический эксперимент пустой тратой времени. В описании всех картинок лаконичен; гипотезы выдвигаются «с ходу», без обращения к анализу изображения. Структурные изображения вызывают актуализацию «цепочки» гипотез: «Здесь, вроде, дерево, лес виднеется... Что-то похожее на танк, впереди взрыв снаряда, снег разлетается вдаль». При интерпретации карточек с пятнами Роршаха ограничивается формальным описанием: «Здесь совсем ничего непонятно... Что-то симметричное... Может быть, клякса на бумаге» (А). «Это похоже на тот снимок, где была клякса. Здесь то же самое можно сказать».

Испытуемая Л. На эксперименте держится неуверенно, в высказываниях лаконична — «сказывается привычка думать про себя». При предъявлении карточки говорит: «По-моему, кадр из какого-то кинофильма или спектакля».

Таким образом, мы видим, что формальные ответы обуславливаются в первую очередь своеобразными установками испытуемых, их отношением к экспериментальной ситуации. Внутренняя субъективная дискредитация задания (испытуемый С.) или, напротив, излишне пристрастное отношение, боязнь оказаться несостоятельным (испытуемые Ю. и Л.) могут способствовать появлению формальных ответов. Чем сложнее, непонятнее, неопределеннее изображение, тем эти установки испытуемых проявляются ярче.

Итак, мы установили, что процесс восприятия в структуре деятельности может занимать разное место; это последнее зависит от мотива экспериментальной ситуации, точнее, от того, насколько он способен сформировать у испытуемого соответствующую установку. В отсутствии заданной мотивации (глухая инструкция) мотиву экспертизы принадлежит ведущая роль в смыслеобразовании и структурировании деятельности. Подтверждением этого может служить тот факт, что у испытуемых, относящихся к эксперименту формально, отмечался распад деятельности, а само восприятие опускалось на уровень формальных «безличных» операций. Наше предположение подтвердилось также в последующих экспериментальных сериях, где мотив экспертизы был конкретизирован. Оказалось, что чем большей

смыслообразующей силой обладает мотив, тем более значительные изменения претерпевает деятельность испытуемых и, соответственно, сам процесс восприятия. Изменяется не только его «ранг» в структуре деятельности, но также и продукт. Важно подчеркнуть, однако, что в норме значения перцептивных объектов остаются неизменными, но в разном деятельностном контексте они приобретают различный смысл.

Если экспериментальный мотив выполняет функцию смыслообразования деятельности, то СМВ играет роль дополнительного побудителя. Чем более неопределенным является изображение, тем очевидней влияние СМВ — увеличивается количество гипотез, расширяется их ассортимент. И все же, несмотря на возрастающую многозначность картинок, наблюдается тенденция к высокой стандартности гипотез.

Это явление мы связываем с тенденцией к относительно постоянству значений у здоровых людей. В достаточно неопределенных условиях круг возможных смысловых значений объекта может расширяться, но, как правило, не доходит до его искажения. В основе этой тенденции лежат наши «реалистические» установки (привычка видеть-вещи неизменными), которые складываются в общении с предметным миром и обуславливают относительное постоянство его отражения.

В

Глава VIII Анализ деятельности и восприятия больных эпилепсией

Вариант А

Обратимся к анализу результатов, полученных в группе больных эпилепсией. Испытуемые охотно шли на исследование, подробно рассказывали о своих болезненных переживаниях. Предложенное задание выполняли с интересом, иногда бурно реагировали на неопределенность инструкции. Большинство испытуемых подходило к заданию с общей направленностью на содержательную интерпретацию картинок. Предлагаемые гипотезы обычно передают эмоциональность изображений, взаимоотношения и переживания героев. При описании структурных изображений гипотезы носят образный характер. Для иллюстрации приводим выписку из протокола больного Б-ова.

Больной Б-ов, 1939 года рождения, образование среднее. Диагноз: эпилепсия с выраженными изменениями личности. Болен с 13 лет, когда начались судорожные припадки, сумеречные состояния сознания. Неоднократно акционировался в психиатрическую больницу. За последние годы резко изменился характер: стал раздражительным, вспыльчивым, постоянно вступал в конфликты на работе и в быту. На эксперименте не сколько развязан, иногда вспыльчив. Задание выполняет охотно. При предъявлении картинок больной формулирует следующие гипотезы:

К\ «Большая крестьянская семья. Мать в горе, соседка ее успокаивает, вся семья в горе».

А₂. «Это взрыв атомной бомбы, виден берег реки, рядом прибрежное растение».

Аз- «Силуэты женских головок, детская головка с челкой, причудливые олени рога, внутри какое-то кольцо, залив какой-то».

Анализ протоколов показывает, что формальные высказывания встречаются среди ответов больных крайне редко, главным образом на фоне ярко выраженного негативного отношения к исследованию в целом или к основному экспериментальному заданию.

Больной Г-ин, 1946 года рождения. Образование среднее. Диагноз: височная эпилепсия с изменениями личности. Начиная с 16 лет появились приступы с выключением сознания по 30—45 раз в день. С 1965 года состояние резко ухудшилось в связи с травмой; появились судорожные припадки. Стал раздражителен, легко возбуждается, иногда агрессивен. К моменту исследования в состоянии больного наметились улучшения: стал менее раздражителен, в поведении упорядочен. На эксперименте охотно рассказывает о себе, исследованием интересуется, стремится произвести выгодное впечатление, однако недоволен предложенным заданием, считает его «детским». Предъявленные картинки описывает следующим образом.

Аь «Женское горе, несчастный день».

Аг. «Отражение в воде кустов».

Аз. «Ерунда какая-то, не пойму».

Как видно из приведенного выше, при интерпретации сюжетных изображений больной ограничивается простым перечислением элементов изображения или констатацией некоторого состояния персонажей. Наиболее неопределенные картинки вызывают отказы, вплоть до дискредитации задания. В целом же больные настолько заинтересованно и серьезно относятся к исследованию и так стремятся заслужить положительную оценку экспериментатора, что любое задание (в том числе и наше основное) выполняется ими крайне добросовестно. Мотив экспертизы обладает, видимо, для них еще большей значимостью, чем для здоровых испытуемых. Благодаря этому деятельность больных даже при отсутствии явно выраженного мотива направлена на содержательную интерпретацию картинок. Какими особенностями характеризуется в этих условиях процесс восприятия?

Обратимся к анализу гипотез, формулируемых при интерпретации каждой картинке. Прежде всего необходимо отметить, что: 1) при интерпретации каждой картинке больные выдвигают ряд гипотез, не встречающихся в норме; 2) гипотезы, широко представленные в норме, иногда отсутствуют у больных; 3) гипотезы, которые встречаются как в норме, так и у больных, существенно отличаются по частоте их актуализации. Эти особенности актуализации гипотез ярко проявляются при сопоставлении с нормой: в группе больных резко снижена стандартность гипотез.

Среди ответов больных преобладают редкие по сравнению с нормой гипотезы, часть которых не соответствует содержанию картинок (неадекватные гипотезы).

При описании карточки А₁ наибольшее число высказываний приходится на гипотезы трех видов: «война», «провода», «семейное горе». Однако 49% в системе актуализируемых гипотез занимают редкие гипотезы: «психически больные», «кого-то встречают», «пьяный», «концлагерь», «страшный фильм», «страшный случай».

Таблица 2

СТАНДАРТНОСТЬ ГИПОТЕЗ
ПО СРАВНЕНИЮ С НОРМОЙ
(в процентах)

Испытуемые	Л ₁	А ₂	Л ₃
Здоровые	95	68	49
Больные эпилепсией	51	63	44

Как показывает анализ ответов, больные этой группы всегда обращают внимание на эмоциональность изображения, но не всегда правильно интерпретируют ее содержание. Иногда больные вводят в рассказ несуществующих персонажей, которых они якобы видят в темноте, или неправильно определяют пол персонажа. Это явление мы отметили у половины исследованных больных.

При интерпретации карточки А₂ больные обычно выдвигают гипотезы такие же, как и здоровые испытуемые.

Например, «растительность: деревья, цветы», «вода: море, река», «небо: тучи, горизонт». Редкие по сравнению с нормой гипотезы составляют 37% в системе актуализируемых гипотез, часть из них в норме не актуализируется. Это относится к следующим гипотезам: «солнечное затмение», «земля», «кожа».

Предъявление карточки А₃ вызывает актуализацию широкой системы гипотез, в которой с наибольшей частотой встречаются гипотезы трех видов: «женские лица», «животные», «памятник». Последняя гипотеза в норме не актуализируется. По сравнению с нормой редкие гипотезы составляют 56% в системе гипотез. Среди редких отметим некоторые гипотезы, типичные только для данной группы: «лед», «мех, разорванный на куски», «корни деревьев».

Гипотезы некоторых больных отличаются образностью, передают настроение, навеянное картинкой. В частности, ответы такого рода характерны для больного В-ова.

Больной В-ов, 1948 года рождения, образование среднее. Диагноз: эпилепсия постэнцефалическая с изменениями личности по эпилептическому типу. Болен с 1964 года, когда начались судорожные припадки. Психическое состояние: ориентирован, суждения чрезмерно конкретны, темп психических процессов замедленный. В беседе назойлив, не критичен к своему состоянию, временами эйфоричен. При интерпретации структурных изображений выдвигает следующие гипотезы:

А₂. «Проходит река, около реки стоит дерево, небо черное от дождя, дождик идет, гремит гром. Тучи закрыли солнце, надвигается сильная гроза».

А₃. «Памятник военных времен, каменный, старинный. По-моему, персидский. Здесь уборы, как персы носили. Головы людей. Здесь звериные морды. Показано, как люди идут на смерть, не страшась ничего, а здесь показана спайка этих двух людей».

Анализ результатов показывает, что деятельность больных эпилепсией характеризуется большей пристрастностью, большей значимостью мотива экспертизы, чем в норме. Вследствие этого само восприятие отличается большей эмоциональностью, образностью. Кроме того, выявилась тенденция к актуализации редких гипотез,

Вариант В

Анализируя данные, полученные во втором варшпи* исследования, отметим прежде всего изменения в поведении больных. Больные с энтузиазмом приступали к выполнению задания, с удовлетворением, подолгу шш сывали каждую картинку, были несколько навязчтм в желании продемонстрировать свои «творческие п.м. собности». Интересовались оценкой экспериментатор.и. но были не критичны в оценке собственных результатов. > В условиях новой инструкции ответы больных стаи" вятся еще более развернутыми, эмоционально насыпи > ными, часто включают пространные рассуждения общ- !•• порядка. Так выглядит, например, ответ испытуемо!" Б-ва: «У нас много семей, где живут только муж < женой, а детей не имеют. В результате одни отдают и т полностью вину, другие — работе, искусству. И сре,п.и таких людей были гениальные, например Бальзак. Омм усидчивы, много трудятся... В заключение хочу сказан., что все они по своему несчастны» (В1).

Вместе с предположением о сюжете больные дали собственную оценку действующим лицам или событиям Больной В-ов вместе с версией о том, что действие пр.' исходит во время гражданской войны, описывая мечт.! тельное настроение героев, замечает: «Юности свопе і венно мечтать!» Часто отмечая взаимоотношения пер сонажей, их чувства и переживания, больные приписы вают им определенные роли. В этом случае гипотез ч превращаются в драматические сценки, героями кото рых могут быть персонажи картинки или сам больном Особенно ярко это проявляется при интерпретации а- жетных картинок, но встречается и при описании струк турных. Употребление прямой речи, повышенная инто нация, иногда ритмизация или рифмовка делают расск.ч ; исключительно эмоциональным. Для наглядности приво дим •••выписку из протокола больного Г-ва.

Больной Г-ов, 1939 года рождения, зоотехник. Диаг ноз: эпилепсия с изменениями личности. Болен с 1953 года, когда появились первые судорожные при падки. В последние годы отмечались ухудшения памяти. дисфории, стал раздражительным, конфликтным. Дл і мышления- большого -характерны конкретность, -стремле ние к детализации.- Контактен, к исследованию -отно сится заинтересованно. Приведем выписки из протокол.!

В1. «Человек пришел домой, неприятности у него. ^Кепа: «Что Иван Григорьевич, что с тобой?» — «От- :\$лШ), дай отдохнуть немного!» Вытащил бумаги, заду- Мился, как спланировать производство. «Жена, дай Коньячку!» Жена спрашивает: «Иван Григорьевич, мо- жет, что на работе?» — «Отстань ты от меня!» Тогда і ома психанула: «Ах, ты не хочешь со мной делиться, К черту!» И села за стол...»

8₂. «Наступает вечер, собираюсь я гулять и только і ожидаю, как милую встречать, и идем мы в парк, чтобы ; потанцевать. И встречаюсь я с ней и к любимому месту, і где встречались, недалеко от парка, где люстры отража- лись. А озеро ли это? Да, озеро, и отражаются лучи спета».

8₃. «Однажды в воскресенье собрался я на охоту. Иду по лесу, и вдруг передо мной лежит чудовище. Я поднял чудовище, положил в карман и вернулся до- мой. Положил его на стол и разрезал пополам. Пока- залось мне — задняя часть похожа была на медведя, а передняя часть — на орла...»

При интерпретации структурных изображений кар- тинка нередко становится поводом для развертывания пространных рассуждений, плоского резонерства. При этом больные инертно, навязчиво развивают одну какую- то тему рассказа. Приводим высказывания больного Б-ва при предъявлении карточки Вг: «Вода, как велика ее роль для человека! Отсутствие воды привело бы к I исчезновению жизни на земле. В недрах воды находятся большие богатства — рыба, на дне находится много водорослей, они тоже могут быть использованы для на- родного хозяйства. В Италии создана специальная груп- пе по изучению морского дна. Вода — не только наше богатство, ко и среда, где мы обитаем. Как приятно посидеть вечером с удочкой у реки, порыбачить. Голу- бые дороги — самый дешевый транзитный путь!»

Анализ протоколов показывает, что введение новой инструкции приводит к резкому уменьшению количества формальных ответов. Таким образом, в условиях .предъ- явления варианта В деятельность больных обычно на- правлена прежде всего на передачу своего отношения, впечатления, созданного картиной. Собственно раскры- тие содержания, идентификация объекта изображения в ответах менее представлены.

Остановимся на анализе гипотез, имевших место при интерпретации каждой картинке. Сравнивая гипотезы здоровых испытуемых и больных эпилепсией, отметим следующий важный факт: 1) при интерпретации некоторых картинок больные строят значительно более широкую систему гипотез, чем здоровые испытуемые. Эта система включает ряд гипотез, отсутствующих в норме; 2) гипотезы, встречающиеся в норме, иногда отсутствуют у больных; 3) наконец, гипотезы, представленные в обеих группах, существенно отличаются по частоте их актуализации. Эти особенности процесса выдвижения гипотез, как показывает табл. 3, приводят к выраженному снижению стандартности гипотез по сравнению с нормой. Анализ содержательной стороны ответов показывает, что при интерпретации сюжетных картинок преобладают редкие по сравнению с нормой неадекватные гипотезы. Так, при предъявлении карточки В₁ 57% высказываний приходится на следующие стандартные для данной группы гипотезы: «психически больной», «раздумье», «пьян», «семейные неурядицы». Между тем в норме они встречаются гораздо реже. Стандартная в норме гипотеза «горе, тоска» здесь относится к числу редких. Большинство редких гипотез представлено и в норме, за исключением гипотезы «сидят за столом, пьют чай».

Таблица 3

СТАНДАРТНОСТЬ ГИПОТЕЗ ОТНОСИТЕЛЬНО НОРМЫ
(в процентах)

Испытуемые	В ₁	В ₂	В ₃
Здоровые	51	62	72
Больные эпилепсией	26	46	34

Предъявление структурных изображений нередко становится поводом для резонерских высказываний. Больной в своем рассказе рисует что-то вроде сценки, где идентификация изображения вплетена в образную передачу настроения рассказчика. Например, в ответ на предъявление карточки В₂ больной С-в говорит: «Выхожу я на берег высокий, предо мною долина большая.

Речка и солнышко светит, и кажется, что по отражению солнца можно пройти, как по ступеням». Чаще всего В₂ актуализирует гипотезы «рябь воды, волны» и «водная поверхность». Для нормы же стандартными являются еще и гипотезы «освещенная мостовая» и «освещенная поверхность воды». В целом больше половины всех высказываний больных составляют редкие гипотезы. Среди них отметим несколько отсутствующих в норме: «фонтаны воды», «зрительный зал без зрителей», «шкура животного».

Образы-гипотезы, которые предлагаются при описании В₃, часто выступают для больных в своем символическом значении. Например, «изображение двух медведей — показана сила и гордость русского народа», «картина абстракциониста, показывающая смерть». Необходимо отметить яркий, образный характер гипотез-картинок: «Взобрался я на вершину гор. Смотрю — предо мною как бы распятие. Живут люди в горах и вырубают из камня скульптуру: сначала орла огромного, крылья уже обрушились, потом голова отпала». Гипотезы «животные», «фигура человека», «части тела, внутренние органы» актуализируются наиболее часто. Из редких отметим «распятие», «кукла», «шкурка», в норме не встречающиеся.

Анализ гипотез, формулируемых при предъявлении каждой картинке, показывает, что больные склонны интерпретировать как сюжетные, так и структурные изображения необычным образом. Редкие, нестандартные гипотезы обычно не соответствуют действительному содержанию картинок.

Таким образом, исследование больных эпилепсией обнаружило существенно отличную от нормы картину. Созданная в варианте В установка привела к полной перестройке деятельности испытуемых. Исчезли ответы формального характера, увеличилось количество гипотез, значительно возросла эмоциональность ответов. В отличие от нормы, где заданная мотивация лишь накладывала своеобразный отпечаток на деятельность испытуемых, у больных эпилепсией этот мотив приводил к возникновению собственно фантазирования. При этом мотив не только побуждал активность больных, но сам становился целью. Заданная же инструкцией цель терялась, объективно не выступала как предмет дея-

тельности и по отношению к новой цели (фантазирование) играла роль средств, условий ее достижения. В структуру этой новой деятельности восприятие вошло как операция.

При анализе гипотез мы выделили особый тип интерпретаций, характерный исключительно для больных данной группы, который назвали гипотезами-драматизациями. Гипотезы-драматизации свидетельствуют о гиперэмоциональности больных эпилепсией, а также ярко выраженной потребности в социальном одобрении деятельности. Интересно отметить, что выполнение задания сопровождается у больных эмоциональными переживаниями, представлением о собственной незаурядности. Удовлетворение, которое получают больные от процесса «фантазирования», свидетельствует о чрезвычайно высокой значимости для больных этого рода деятельности.

Каков же «продукт» столь своеобразной деятельности? Во-первых, это преобладание смысла над значением, что проявляется в «эмоционально-действенном»; характере гипотез, и, во-вторых, искажение значения, тенденция к актуализации редких необычных гипотез.

Вариант С

Предварительная серия, одной из задач которой было установление интеллектуального статуса, не выявил грубых нарушений мышления. В ситуации экспериментальных больных охотно выполняют задания, рассказывают о своих болезненных переживаниях, несколько навязчивы в желании угодить экспериментатору. Большинство испытуемых начинают свой ответ с обстоятельного, подробного описания картинке. Содержательной интерпретации иногда предшествует оценка качества фотографии или неодобрительные замечания относительно непопularity изображений. При интерпретации картинок больные тщательно и скрупулезно описывают элементы изображения, включают в рассказ большое количество деталей. В отдельных случаях это может даже тормозить процесс выдвижения гипотез.

Больной Леб-в. Диагноз: эпилепсия травматического генеза с изменением личности по эпилептическому типу. Раннее развитие в норме. Окончил 6 классов. В 1933 г.

ду во время автомобильной катастрофы перенес сотрясение мозга. С 1938 года начались развернутые припадки; неоднократно стационарировался в психиатрическую больницу. Последнее стационарирование с 27/VIII 1970 г. Психический статус: вязок, инертен, многословен, обстоятелен. Приведем выписку из протокола: «На этой картинке изображены несколько человек. Слева стоит женщина. Около нее мужчина, волосы темные у него. Он руки сложил около груди и не то плачет, не то от ощущения какого-то улыбается. К нему бежит, поднявши руки, мальчик и что-то хочет -его вроде успокоить. Сзади мальчика женщина держит ребенка или он на чем-то сидит, прижался к ней, обняв ее правой рукою. Женщина повернута лицом вправо, а мальчик влево. Еще дальше, сидит ли он там,— не видно, но за каким-то барьером стоит мальчик и глядит, старается что-то узнать. В левом углу, где женщина, подняв руку и держа правую руку мужчины, стоят еще две женщины, лицами глядя сюда к нам. Между женщиной и ребенком что-то вроде шара» (В, С).

Больной, как мы видим, обращает внимание на структуру и композицию изображения, выделяет наиболее существенные для интерпретации элементы, однако «застревает» на деталях. Правильно оценивая эмоциональный подтекст картинке, больной испытывает затруднения при ее целостной содержательной интерпретации. Конечно, это не значит, что содержательная интерпретация была полностью недоступна больным. Указанная особенность деятельности выступала как тенденция, в той или иной мере присущая всем больным. В тех же случаях, когда больные строили гипотезы, они это делали иначе, чем здоровые испытуемые. Вместо подлинного исследования изображения для больных было характерно бессистемное нанизывание деталей. Понятно, что такая тактика нередко обуславливала неадекватные гипотезы. Интерпретация же структурных изображений подчас оказывалась более продуктивной именно благодаря вниманию к деталям: «Изображение двух людей, которые сидят, между ними стоит лавочка, они скрестили ноги. Слева правую руку, справа левую руку в сторону оттянули. Держат вроде какую-то рубашку. Рубашка застегнута, в середине не то прорез, а по бокам лавочки, где они ноги скрестили. На ру-

башке борта крайние подтянуты, а за бортами врок как человек сюда идет» (B_3, C_{11}).

Сравнивая ассортимент гипотез, отметим, что больные часто формулируют гипотезы, не актуализируемые в норме. Причем, чем более сложной, неопределенно!! является картинка, тем больше «ножницы» в система гипотез. Стандартность ответов в группе больных так же ниже, чем в группе здоровых испытуемых, причем стандартность ответов зависит также и от степени неопределенности изображения — с увеличением последит уменьшается стандартность гипотез.

Таблица 4

СТАНДАРТНОСТЬ ГИПОТЕЗ
(в процентах)

Испытуемые	C_1	C_2	C_3
Здоровые	59	40	35
Больные эпилепсией	51	24	25

Анализ результатов этой экспериментальной серии показал, что в условиях интеллектуальной инструкции деятельность больных приобретает специфические черты. С особой наглядностью проявляются известные стилевые особенности личности эпилептика: гиперэмоциональность, излишняя конкретность, неумение отвлекаться от второстепенного, синтезировать существенные признаки. Сочетание инертности способов действия с «застреванием» на средствах построения гипотезы приводило к тому, что процесс восприятия переставал отвечать объективной цели задания. Изменялись структура и содержание всей деятельности больных; то, что в норме составляло содержание операций, для больных выступило содержанием самой деятельности. «Безличные» в норме операции становились мотивированными и целенаправленными. Подменялась сама задача, восприятие «отвечало» теперь не тому, что изображено, а как изображено. В структуре нормальной деятельности ориентированному подобным образом процессу отводилось бы место операции. Между тем по своей субъ-

ективной значимости, по отношению, которые в нем реализует больной, он представляет собой именно деятельность, смысл и мотив которой заключается в выполнении самих операций. Будучи первоначально направленной на содержательную интерпретацию картинки как па свою цель, деятельность в ходе ее реализации претерпевает такие изменения, что становится непродуктивной. Это выражается в отсутствии процесса выдвижения гипотез и невозможности по этой причине самой интерпретации. Таким образом, и структура деятельности, и обусловленные ею особенности восприятия больных эпилепсией существенно отличны от нормы.

Глава IX Анализ деятельности и восприятия больных шизофренией

В а р и а н т А

Нами были исследованы две группы больных с синдромом вербального галлюциноза и с онейроидом (всего 30 человек). Большинство больных исследовались непосредственно после выхода из психотического состояния.

Больные по-разному относились к эксперименту: некоторые охотно шли ш; исследование, рассказывали о себе и своих переживаниях, другие держались замкнуто, настороженно, экспериментальное задание не вызывало у них никакого интереса. Последнее совпадало обычно с ухудшением в течении заболевания, возвратом психотической симптоматики.

Соответственно различным было выполнение ими экспериментального задания. Часть больных, так же как и здоровые испытуемые, выдвигала преложения относительно сюжета или объекта изображения. Свои предположения больные формулировали «с ходу», анализируя картину в целом, часто на основании какого-то фрагмента. Структурные изображения актуализировали «цепочки» разнообразных гипотез, на пример, «карта, нет два острова, или облака» (Аз). Оказалось, что преобладающая симптоматика заболевания, состояние больного к моменту исследова-

ния существенно влияют на характер восприятия. Ответы больных с онейроидным синдромом отличаются образностью, повышенной эмоциональностью. Больные проявляют больший интерес к заданию, формальные высказывания встречаются здесь реже.

Больная Ш-ро, 1946 года рождения. Образование среднее, диагноз: шизофрения, онейроидная кататония. Больна с 1962 года; тогда появились мысли, что она гений, что стоит ей посмотреть на человека, как она может перевоплотиться в него. Подолгу застывала в одной позе, была недоступна контакту. В последующие годы неоднократно стационарировалась в больницу. При последнем поступлении насторожена, контакту недоступна. После двух месяцев лечения состояние улучшилось, рассказывала, что видела себя Василисой Прекрасной, разговаривала с Землей, цветами. Исследовалась в состоянии выраженного улучшения. На эксперименте спокойна, доброжелательна, проявляет интерес к заданию. При предъявлении картинок предлагает следующие гипотезы.

А. «Фотография трагическая, наверное во время войны в Испании. От ребенка мать отрывают, угоняют куда-то».

А₂. «Это, видимо, растение... может, речка... пустыня и растение такое... солончак... Жарко, палит солнце».

Аз. «Это что-то географическое, залив какой-то».

Вместе с тем было немало больных, которые при предъявлении отдельных картинок ограничивались формальными ответами или отказами. Наиболее часто формальные ответы встречались у больных с синдромом вербального галлюциноза. Приводим в качестве иллюстрации выписку из протокола больной М-ной.

Больная М-на, 1904 года рождения, образование среднее. Диагноз: шизофрения, параноидная* форма с вербальным галлюцинозом. Психическое состояние: ориентирована полностью, с больными не общается, подавлена, в отделении бездеятельна. Жалуется на то, что «голоса» не дают ей покоя, грозятся убить, критики к своему состоянию нет. Клинические наблюдения не выявляют грубых нарушений познавательных процессов. Память несколько снижена, мышление конкретно, соответствует образовательному уровню. Исследованием не интересуется, требуется неоднократное вмешательство

экспериментатора, чтобы побудить испытуемую к выполнению задания.

Приводим высказывания больной.

А₁ «Женщины стоят».

А₂. «Песок — не песок, ямы — не ямы. Дерет, ч вода».

А₃. «Не знаю, не понимаю».

Итак, в отсутствие заданной мотивации экспериментального задания деятельность больных при интерпретации картинок строилась по-разному: одни содержательно интерпретировали картинки, в ответах других преобладали формальные высказывания. По сравнению с нормой процесс восприятия больных отличался рядом особенностей:

1) при интерпретации каждой картинки больные выдвигают большое количество гипотез, не встречающихся в норме;

2) и наоборот, ряд гипотез, выдвинутых в норме, в группе больных отсутствует;

3) наконец, частоты актуализации тех гипотез, которые встречаются как в норме, так и в группе больных, значительно отличаются друг от друга. Кроме того, наблюдаются различия при сравнении стандартных гипотез в обеих группах: стандартность гипотез в группе больных по отношению к норме резко снижена.

Причиной этого является преобладание в группе больных редких гипотез. Большая часть редких гипотез не соответствует действительному содержанию картинок

Таблица 5

СТАНДАРТНОСТЬ ГИПОТЕЗ
ПО СРАВНЕНИЮ С НОРМОЙ
(в процентах)

Испытуемые	А ₁	А ₂	А ₃
Больные шизофренией . . .	95 44	68 54	49 16

При интерпретации А) больные формулируют гипотезы в два раза больше, чем здоровые испытуемые. К числу стандартных для данной группы относятся гипотезы

«война», «провода», «психически больные», «смерть», «похороны». Последние два типа гипотез не встречаются в норме. Редкие по сравнению с нормой гипотезы составляют 56% в системе гипотез, некоторые из них, например «тюрьма» и «притеснения властей», встречаются в норме значительно чаще, остальные типичны в основном для данной группы больных. Обратимся к примерам.

Больная К-ва, 1939 года рождения, образование среднее. Диагноз: шизофрения, параноидная форма. Весной 1959 года стала уверять, что больна сифилисом; казалось, что над ней ведутся наблюдения с помощью лучей. Неоднократно стационарировалась в больницу. При настоящем поступлении возбуждена, разговаривает сама с собой, считает, что у нее в голове живут младенцы. Исследовалась после выхода из острого психического состояния.

А₁ «Больная психическая плачет. Может, стрельба вдали или похороны справляют... Это, скорее всего, в больнице, как от укула плачет».

Как видно из примеров, в высказываниях больной переплетаются бредовые высказывания и содержательные описания изображений. Правильно определяя эмоциональный подтекст картинки, больная формулирует гипотезы не на основе анализа целостного изображения, а на основе поверхностного впечатления, опоры на выхваченные из общего контекста элементы. Мимика героев, их позы служат основанием для идентификации состояния персонажей картинки со своим собственным.

При интерпретации структурных изображений подавляющее большинство в системе гипотез также занимают редкие гипотезы. Так же как и в норме, интерпретируя А₂, чаще всего больные формулируют гипотезы типа «вода», «море», «озеро или река» — и «растительность: деревья, цветы». Стандартные для нормы гипотезы «взрыв» и «рябь на воде» здесь входят в число редких гипотез. Среди редких — 66% гипотез в норме не актуализируются. Приведем примеры характерных высказываний.

«Человек, а от него ребрышки идут».

«Урановую руду добывают».

«Газ горит».

Наиболее часто при описании А₂ выдвигается гипо-

теза «облака». Стандартные для нормы гипотезы тип i «животные» и «человеческие лица» представлены с меньшей частотой. Среди редких отметим такие гипотезы, как «разорванное тело в облаках», «зародыши», «воло сы», «айсберг» и т. п. В целом 65% всех ответов больных составляют гипотезы, не встречающиеся в норме

Анализ гипотез показывает, таким образом, что при интерпретации картинок больные формулируют в основном редкие, часто неадекватные по содержанию гипотезы. При интерпретации сюжетных изображений внимание обращается главным образом на некоторые изолированные элементы изображения, вне целостного смыслового контекста. Структурные изображения чаще всего актуализируют очень индивидуализированные с психические гипотезы, не встречающиеся в норме.

В а р и а н т В

Характеризуя в целом деятельность больных, подчеркнем, что в ней, в отличие от нормы, отсутствовал элемент творческой направленности. По сравнению с предыдущим вариантом больные в большей степени стремились к содержательной интерпретации картинок, однако и в этом случае гипотезы имели довольно формальный характер. У 30% исследованных больных сохранились формальные ответы.

Обратимся к анализу гипотез, которые выдвигались больными при интерпретации картинок. Так же как и в предыдущем варианте, процесс выдвижения гипотез отличался некоторыми особенностями:

1) при интерпретации каждой картинке больные предлагают большое количество гипотез, не представленных в норме;

2) гипотезы, встречающиеся в норме, иногда отсутствовали у больных;

3) гипотезы, представленные в обеих группах, существенно отличались по частоте их актуализации. В силу этого стандартность гипотез по группе резко снижена.

Обратимся к анализу гипотез. При предъявлении карточки В1 по сравнению с нормой расширяется круг стандартных гипотез. Кроме гипотез «раздумье», «горе, тревога», стандартных для нормы, он включает в себя

гипотезы «психически больной», «усталость» и «преступник». Большинство редких гипотез представлены и в норме, исключением являются гипотезы «тюрьма», «лаборатория», «наводнение», «преступник», «тягостные сомнения». Перечисленные гипотезы имеют ярко выраженную отрицательную эмоциональную окраску и, по-видимому, являются отражением болезненных установок испытуемых. Больные без критики относятся к своим предположениям, большинство неадекватных гипотез отличается чрезвычайной инертностью. Вот примеры подобных ответов. «Мужчина с ума сходит» (В1). «Этот так сидела. Мне: «Машенька, Машенька!», — а я не отвечаю в тоске какой-то. У этой женщины суицидальные мысли. Отец думает, что придется ее сдать в психбольницу» (В1).

Редкие неадекватные гипотезы составляют 68% в системе гипотез.

Интерпретируя структурные изображения, больные выдвигают часто «цепочку» гипотез. При интерпретации В2 39% ответов составляют гипотезы типа «водная по-

Таблица в

статистическая гипотеза
ПО СРАВНЕНИЮ С НОРМОЙ
(в процентах)

спытумыс	В ₁	В ₂	В ₃
	51	62	72
пзофренией . . .	32	39	19

верхность», «освещенная поверхность воды», «рябь воды, волны». «Море или река, очевидно, солнечные блики на воде», «отражение в воде вечерних огней».

Наибольший интерес представляет анализ редких гипотез, преобладающее большинство которых в норме отсутствует. Гипотезы в основном строятся с опорой на изображение в целом. Например, «на легкие похоже, небо» (больная Ш-ва), «зрительный зал без зрителей» (больная К-ва). Среди гипотез, опирающихся на интерпретацию отдельных элементов изображения, отметим

такие, как «бьет фонтаном вода», «человеческие глаза», «взрыв». Высказывания подобного типа в норме не встречаются. Отметим образность некоторых гипотез, они характерны в основном для больных с онейроидным синдромом.

Больная П-ко: «Волны, море какое-то, здесь водится рыбка, поэтому светится вода. Вода холодная-холодная и прозрачная. Легкая зыбь от ветерка».

Больная А-ва: «Похоже на море, впереди идут катера, освещающая воду. Гребни кажутся такими светлыми».

При интерпретации карточки В₃ 81% составляют редкие гипотезы, часть из которых в норме не представлена. Приведем примеры некоторых из них: «Варшава в пламени», «распятие», «кровь», «разрыв какого-то тела».

В среднем испытуемые при интерпретации В₃ формулируют 1–2 гипотезы, однако у отдельных испытуемых число гипотез может достигать 6–7. Приведем выписки из протоколов больных с онейроидным синдромом.

Больная Ю-ва: «Варшава в пламени. Львы. Руки гитлеровские. Гитлер без головы. Скелет какой-то, а голову сняли, обследовать, как мозг работает. Орел, герб польский... Распятие Христа».

Больная А-ва: «В центре похоже на человека, только шея отсутствует. Здесь на крокодила похоже, а это па верблюда... поднятые в варежках руки. Здесь два лица носатых... лицо в папахе повернуто».

Анализ гипотез показывает, что при интерпретации картинок больные формулируют в основном редкие, не стандартные по сравнению с нормой гипотезы. Большинство редких гипотез не являются адекватными действительному содержанию картинок. Бредовые и галлюцинаторные переживания больных, не всегда составляя непосредственно содержание ответов, направляют восприятие, провоцируя нелепые, неадекватные высказывания. Гипотезы строятся не на основе систематического анализа элементов изображения и структуры в целом, но на основе «переоценки» значения какого-то изолированного элемента изображения, который благодаря установкам больных приобретает особый смысл.

Особенностью деятельности больных шизофренией является пониженная чувствительности к объективным требованиям экспериментальной ситуации. У разных

клинических больных это выражается по-своему. Чрезвычайная образность и эмоциональность переживаний окрашивает восприятие онейроидных больных независимо от типа мотивации. Точно так же восприятие больных с вербальным галлюцинозом в обоих вариантах отличается формальностью. Иной по сравнению с нормой является и мотивационная структура деятельности. Экспертный мотив, апелляция к (Воображению не вызывают смыслообразования. Восприятие побуждается СМВ, а смыслообразующими являются исключительно эмоциональные установки больных. Они обуславливают своеобразную фрагментарность восприятия, переоценку определенных элементов изображения. Именно эти часто неадекватные установки искажают интерпретацию (значение) картинки. Аутизм больных лишает эффективности экспериментальную мотивацию и, напротив, провоцирует актуализацию болезненных переживаний. Последние оказываются более сильными и значимыми побудителями, чем объективная мотивация.

Вариант С

К эксперименту привлекались больные с непрерывно текущей юношеской формой шизофрении. При относительной интеллектуальной сохранности больных на первый план выступали личностные нарушения, которые квалифицировались клиницистами как общее снижение активности, апатико-абулический синдром.

Предварительное исследование показало, что у большинства больных не обнаруживается резких нарушений формальной стороны мышления. Ошибки, допускаемые в отдельных случаях, относятся к нарушению мотивационного компонента мыслительной деятельности и проявляются в виде разноплановости, «соскальзывания» или резонерства. Большинство испытуемых не проявляли заинтересованности при выполнении задания. Несмотря на то что неоднократно подчеркивалась «интеллектуальная» направленность задания, больные не старались проявить свои умственные возможности, не интересовались результатами исследования. Некоторые больные охотно шли на исследование, просили пригласить их на беседу, но в беседе чаще разговаривали на посторонние темы, чем интересовались исследованием. Ответы боль-

пых при интерпретации картинок отличались ллкоши ностью, были малоэмоциональны и в основном тольк констатировали некоторое содержание. Приводим вы пiski из протокола большого Л-ова.

Больной Л-ов, 1950 года рождения. Диагноз: шичо френия. Наследственность не отягощена. Раннее развп тие нормальное. Учился в школе 8 лет, из них последит три года оставался в 5 классе, так как перестал запп маться, связался с уличной компанией, стал выпивать. Впервые был стационарирован в 1966 году, затем г. 1969 году. Настоящее поступление ис 17/X 1970 г., ста ционирован в связи с семейной дракой. Психический статус: ориентирован, контакт формальный, эмоциональ но выхолощен, развязен, держится без чувства дистап ции, себя считает здоровым. Продуктивная симптоматп ка не обнаруживается. На эксперименте держится ма нерно, дискредитирует задание, контакт формальный. Результаты предварительной части эксперимента вы явили элементы не критичности, разноплановости мыш ления. Обратимся к ответам испытуемого при интерпре та ции К ар тин ок.

«Вьетнам, по всей вероятности».

«Сцена из спектакля».

«Человек сидит за столиком, не хотел, чтобы его фо тографировали, потому и закрылся рукой».

«Река, что ли».

«Лед, наверное».

«Взрыв где-то».

Как следует из протокола, больной не пытается ис следовать предложенную картинку, гипотезы формули руются с ходу, без предварительного анализа и после дующей коррекции. Иногда больные формулируют не одно, а несколько предположений, однако это бывает крайне редко, в основном при интерпретации слабо структурированных изображений. Например: «Похоже на лес или взрыв», «Море, нет, булыжная мостовая».

У 95% больных при интерпретации серии картинок отмечаются формальные ответы. Резко снижена продук тивность деятельности: больные в среднем формулиру ют значительно меньше гипотез на каждую картинку, чем здоровые испытуемые; в целом по всем картинкам больные предлагают в два раза меньше гипотез, чем в норме.

По сравнению с нормой резко сужена система акту ализируемых гипотез. По-видимому, этим следует объ яснить очень незначительное снижение стандартности гипотез относительно нормы.

В системе гипотез часто не представлены гипотезы, типичные для здоровых испытуемых. Неадекватные гипотезы встречаются редко. Большинство из них носит обобщенный, иногда символический характер, высказы вания лишены эмоциональной окраски. При интерпрета ции сюжетных картинок такие гипотезы с трудом ква лифицируются как неадекватные в силу невыраженно сти их содержания. Возникают они обычно с ходу, без опоры на какие-либо элементы изображения.

Таким образом, в условиях «интеллектуальной моти вации» у больных исследуемой группы не формируется соответствующее отношение к экспериментальному за данию. Процесс восприятия имеет чрезвычайно сверну тую форму. Больные не исследуют структуры картинки, не осуществляют направленный поиск, активное исследо вание и сопоставление элементов структуры изображе ния. Гипотезы в меньшей степени, чем в норме, отра жают эмоциональность перцептивного материала, зна чительно возрастает количество отказов, формальных описаний и констатации. Этот тип ответов особенно часто встречается при интерпретации наиболее сложных сюжетных и слабоструктурированных изображений.

•

Анализ деятельности и восприятия больных с поражениями лобных долей мозга

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БОЛЬНЫХ С ЛОБНЫМ СИНДРОМОМ

При патологии тех или иных структур мозга личность больного отнюдь не всегда бывает столь же грубо затронута, как частные психические процессы. Задача исследования личностных нарушений встает чаще всего при поражении лобных долей мозга. Аспонтанность, импульсивность, некритичность, будучи общим радикалом расстройств познавательных процессов и поведения лобных больных, одновременно свидетельствуют о патологии личностного аспекта деятельности (Зейгарник, 1971). Анализ исследований, посвященных расстройствам восприятия у лобных больных (Лурия, 1963; Лурия, Карпов, Ярбус, 1965), также показывает, что различные патологические симптомы в этой сфере не сводятся к патологии восприятия как такового. Они связаны, по-видимому, с более глубокими нарушениями деятельности и личности больных. Проверке этой гипотезы и было посвящено настоящее исследование. В работе использовался метод так называемого опосредствованного исследования личности, апробированный нами ранее на больных с общемозговыми поражениями (Ротенберг-Ойзерман, 1971; Ойзерман, 1972).

Этот метод позволил вскрыть некоторые особенности мотивационной сферы психически больных путем анализа процесса восприятия. В частности, оказа-

лось, что от «принятия» или «непринятия» экспериментальной мотивации зависят характер и структура восприятия. В одном случае восприятие может приобрести черты воображения, в другом — приблизиться к наглядно-действенному мышлению. Одновременно с этим происходит переструктурирование деятельности: перцептивные процессы выступают в качестве операции или действия. Таким образом, место процесса восприятия в структуре деятельности служит показателем степени «включенности» личности, указывает на ее смысловую систему. Как свидетельствует наш материал, у психически больных часто страдает именно личностно-смысловой аспект восприятия.

Исследование больных с лобной патологией дало аналогичные результаты. Для примера обратимся к анализу конкретного случая.

Больной Ф-и поступил в Институт нейрохирургии им. Бурденко с диагнозом поражения базальных и полусных отделов лобных долей мозга. Больной был сбит автобусом и получил ушиб лобно-лицевой области с ранением мягких тканей. Отмечалась потеря сознания с последующим психомоторным возбуждением. В первые три недели пребывания в институте остается спутанность, дезориентированность в месте и времени. Во всех нейропсихологических пробах выступают инактивность, инертность психических процессов в сочетании с импульсивностью. Отсутствуют дефекты в гнозисе, праксисе и речи; на этом фоне выступают грубые нарушения памяти во всех модальностях, конфабуляции и контаминации.

Данные патопсихологического исследования (24/111 1970 г.). Ориентирован в месте и времени. Отсутствует критика к своему состоянию. Интеллектуально несколько снижен: затрудняется в передаче переносного смысла пословиц, при выполнении классификации образует связи конкретно-ситуационного типа, в то же время с помощью экспериментатора может выделить обобщенный признак. Больной не способен к самостоятельной коррекции ошибок, преобладают случайные, неадекватные решения. Заключение: основным радикалом психических нарушений является инактивность, аспонтанность, некритичность, отсутствие самоконтроля.

Основной эксперимент заключался в следующем.

Больному для интерпретации предъявлялся набор картинок различной степени сюжетной и структурной неопределенности с разными инструкциями. При первом предъявлении (глухая инструкция) больного просили просто сказать, что изображено на каждой картинке. Второму предъявлению картинок предшествовали так называемые установочные опыты (выполнение заданий на выделение существенных признаков, установление аналогий и т. д.), целью которых было создание познавательного отношения к ситуации эксперимента. Вслед за этим больному предлагался тот же набор картинок со словами: «Это задание на проверку ваших умственных способностей. Картинки, которые я вам показываю, сложны, и определить, что на них изображено, иногда трудно. Присмотритесь внимательно, рассуждайте вслух».

Наблюдение во время исследования показывает полное отсутствие у больного интереса и адекватного отношения к ситуации эксперимента. Очевидно, что на таком фоне у него не возникает потребность в объективной оценке собственных возможностей. Это препятствует выработке познавательной установки на основное задание. Этот факт выглядит тем более демонстративным, что в аналогичной ситуации поведение здоровых испытуемых было совершенно иным. Хотя выполнение установочных заданий, как правило, не вызывало затруднений, все испытуемые относились к эксперименту как к своеобразной «пробе ума». Одного указания на то, что исследуются их умственные способности, оказывалось достаточно, чтобы в установочных опытах у них сформировалось соответствующее отношение. Отличие от нормы выявилось и в основной части исследования. Приводим ответы нашего больного при интерпретации картинок в условиях глухой и интеллектуальной инструкции (табл. 7).

Прежде чем приступить к анализу материала, полученного при исследовании больного Ф-на, суммируем вкратце данные нормы. Прежде всего отметим качественное своеобразие процесса восприятия в условиях интеллектуальной мотивации. Деятельность испытуемых как бы представляет собой решение перцептивной задачи. Идет поиск информативных элементов изображения, их сопоставление, построение и проверка форму-

Названия картинок	Глухая инструкция	Интеллектуальная инструкция
1		
Мать купает ребенка	Женщина как-будто моет ребенка	Молодая женщина моет ребенка
Американский космонавт, снятый в необычном ракурсе	Молодой человек в виде летчика-испытателя	Наподобие летчика
Молодая женщина поит из трубочки мальчика, лежащего в постели	Женщина что-то преподносит ребенку	Молодая женщина что-то преподносит ребенку. Сзади вроде мужчина стоит (лампа)
Мальчик прыгает с парашюта, на стене отпечатывается его тень	Женщина как прыгнет в трусиках	Женский персонал а трусиках прыгает
Человек в трагической позе сидит за столиком кафе	Как-будто в помещении, свет горит и молодой человек, в каком возрасте, не знаю. Правый глаз открыт, левый закрыт	Мужчина в помещении один глаз закрыл рукой, другой открыл
6		
Группа чем-то взволнованных людей	Молодая женщина, пожилая, с ней ребенок	Здесь мужчина, пожилая женщина. Ребенок руку к маме протянул
Молодая пара и лежащий на полу молодой человек	Женщина (мужчина) с девушкой в объятиях, молодой человек внизу	Девушка и женщина постарше в объятиях
Смазанный снимок, сделанный из движущейся машины	Что-то пасмурное, вспышка	Что-то темное

Продолжение таблицы 7

Названия картинок	Глухая инструкция	Интеллектуальная инструкция
Свет фар на мокрой мостовой	Что-то пасмурное, молодая женщина (световое пятно)	Пасмурное, ввиду джм Дя
10		
Причудливые растения	Не могу понять	Что-то пасмурное
11		
Пятно Роршаха (I таблица)	Что-то пасмурное	Клякса
12		
Пятно Роршаха (VII таблица)	Статуэтки	Статуэтки

лируемых гипотез. Формальные описания встречаются лишь при затруднении в содержательной интерпретации картинок. Неадекватные гипотезы формулируются на начальных этапах интерпретации и «отгораживаются» в ходе последующей коррекции. Гипотеза выступает, таким образом, как итог последовательного поиска, цель которого — адекватная интерпретация изображения. При этом экстенсивность поиска существенно зависит от степени неопределенности изображения: чем более сложна, «неопределенна» картинка, тем шире система актуализируемых гипотез. Сама неопределенность играет роль стимула познавательной активности. Иначе в этих условиях выглядит деятельность нашего больного. Прежде всего при разной мотивации между «тактикой» больного и содержанием выдвигаемых гипотез не отмечается существенных различий. В обоих случаях преобладают формальные описания картинки (№ 8—12), содержательная интерпретация часто заменяется перечислением и названием изолированных элементов изображения. Чем сложнее картинка, тем труднее больному выявить ее смысл или идентифицировать объект. Восприятие становится более диффузным, неопределенным («молодая женщина, пожилая, с ней ребенок» или «что-то пасмурное» и т. д.). Возможны ошибки восприятия,

например неправильное определение возраста (№ 4), пола (№ 7), персонажей, узнавание человеческих фигур в нечетких контурах лампы или пятна (№ 3 и 9), что обуславливает неадекватную интерпретацию изображений. Важно отметить также, что у больного отсутствует направленность на «снятие неопределенности», которая в норме выражалась в увеличении формулируемых на каждую картинку гипотез.

Чтобы квалифицировать выявленные у больного особенности восприятия, обратимся к данным общей психологии. Как известно, восприятие сложных или малознакомых объектов представляет собой активный процесс, в ходе которого происходит выделение существенных признаков, их анализ и сопоставление и в результате — формулирование гипотезы о значении данного объекта (Брунер, 1957; Соколов, 1960; и др.).

При нормальных обстоятельствах восприятие всегда заканчивается формированием адекватного образа. Необходимыми условиями адекватности восприятия являются наличие ориентировочно-исследовательской деятельности в отношении объекта, контроль и критичность в отношении формулируемых гипотез и самое главное — направленность на разрешение перцептивной задачи. Эта последняя в отсутствие специальных условий побуждается так называемым собственным мотивом восприятия, т. е. спонтанной тенденцией к исследованию объекта. Однако, если процесс восприятия включен в более широкий вид деятельности, его побудителем может стать новый мотив, который определит место восприятия в структуре этой деятельности.

Анализ наших данных свидетельствует о том, что у больного страдают все звенья деятельности, но в неодинаковой степени. Очевидно, что ипактивность, аспонтанность больного обуславливают распад ориентировочно-исследовательского звена. Сложный процесс поиска, подготавливающий актуализацию гипотезы, у больного попросту отсутствует и замещается либо фрагментарными догадками, либо формальным перечислением деталей изображения. Этим, по-видимому, можно объяснить наличие неадекватных гипотез; некршичность и отсутствие контроля — причина их стойкости и пекоррируемости. Вследствие этого само восприятие больного расплывчато, недифференцированно, и оно не служит

дели адекватного отражения действительности. Однако наш эксперимент свидетельствует о более глубокой патологии деятельности, а именно патологии ее личностного аспекта. У больного не только спонтанно отсутствует установка на исследование объекта изображения, но она не вырабатывается даже в специальных условиях. Ни в условиях глухой инструкции, ни при интеллектуальной мотивации у больного не возникает направленность на разрешение перцептивной задачи. Интеллектуальный мотив, действенный в норме, здесь утрачивает свою смыслообразующую силу и не ведет к переструктурированию деятельности. Восприятие чаще всего сводится к отдельным фрагментам изображения.

По-видимому, указанные особенности деятельности и восприятия свидетельствуют о нарушении у больного прежде всего познавательной мотивации. Это предположение подтверждается, в частности, отсутствием направленности на снятие неопределенности. Более того, интерпретация именно наиболее неопределенных изображений представляет для больного особую сложность.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Приведенные здесь и в предыдущих главах данные экспериментально-психологического исследования еще раз подтверждают, что восприятие, его сложные формы, в частности интерпретация сложных изображений, представляет собой активную деятельность субъекта. Ее реализация обусловлена взаимодействием разного рода факторов: специфической перцептивной материала, особенностями познавательных процессов воспринимающего субъекта, структурой его личности. Решающее значение имеет личностный (мотивационный) компонент психической деятельности, определяющий направленность, содержание и смысл перцептивной деятельности.

В нашем исследовании процесс восприятия включался в различные виды деятельности. Психологический анализ состоял в выявлении места восприятия в структуре деятельности, или, иначе говоря, его деятельностного ранга. Оказалось, что последний тесно связан с субъективной значимостью задачи, ее личностным смы-

слом — чем более релевантна она личности, тем выше деятельностный ранг восприятия. Экспериментальный мотив, создавая то или иное отношение, преобразует и перестраивает всю деятельность испытуемого; в соответствии с этим изменяется и само содержание восприятия.

Как показывают наши результаты, в условиях разной мотивации восприятие определяется характером той деятельности, в которую входит как часть. В условиях глухой инструкции большинство здоровых испытуемых рассматривают картинки, строят предположения о сюжете или объекте изображения. Очевидно, что ситуация эксперимента, необычность задания могут побуждать испытуемых к активности. Следует отметить, что и сам перцептивный материал обладает некоторой побудительной силой: благодаря прошлому опыту задает испытуемому цель — определить, что изображено. Именно поэтому ответы большинства испытуемых были направлены на содержательную интерпретацию картинок. По-видимому, эти факторы не являются достаточными для осознания испытуемыми смысла их собственной активности: процесс восприятия быстро «сворачивается» или не возникает совсем. В эксперименте мы отмечали при этом такие явления, как формальные ответы и отказы. В вариантах В и С соответствующая организации эксперимента не только побуждала к перцептивной активности, но придавала ей вполне реальный и значимый для испытуемых смысл. В какой степени, однако, эти инструкции обладают для испытуемых побудительной и смыслообразующей силой? Мы полагаем, что отсутствие формальных ответов и отказов свидетельствует о том, что инструкции выполняли функцию мотивов-побудителей. Смыслообразующая сила этих мотивов определяется, очевидно, ролью, которую воображение и мышление играют в жизни, деятельности наших испытуемых, т. е. общей направленностью и структурой личности. Полученные результаты позволяют заключить, что в целом обе инструкции в норме несут побудительную и смыслообразующую функции. В варианте В испытуемые не только определяют сюжет или объект изображения, но пытаются «фантазировать». Это выражается в том, что картинка может актуализировать «цепочку» гипотез, гипотезы по содержанию становятся

более эмоциональными, образными. В варианте С определение «того, что изображено», происходит по типу решения интеллектуальной задачи — последовательного анализа условий задачи (структуры изображения), перебором возможных вариантов и т. д. «Неправильные» решения — неадекватные гипотезы, возникающие на основе слишком выраженного стремления найти правильный ответ, «отторгаживаются» в ходе «дальнейшего анализа изображения. Таким образом, результаты, полученные при исследовании здоровых испытуемых, подтверждают исходную гипотезу о детерминации процесса восприятия смыслообразующим мотивом деятельности.

Совершенно иные результаты были получены при исследовании психически больных и больных с поражением лобных долей мозга. Обращаясь к материалу патологии, мы полагали, что нарушения частных психических процессов обусловлены изменением целостной деятельности, ее структуры, динамики и прежде всего ее мотивации. Это предположение оказалось верным и в отношении восприятия.

Для больных эпилепсией ситуация эксперимента независимо от типа инструкции обладала большей побудительной и смыслообразующей силой, чем в норме. Во всех вариантах исследования больные стремились к содержательной интерпретации картинок, формальные высказывания среди всех ответов составляли очень небольшой процент. Тем не менее мотивация заданий в разной степени способствовала выявлению специфических особенностей психической деятельности больных эпилепсией. Вариант В послужил своеобразной провокацией гиперэмоциональности больных. При выполнении задания гипотезы относительно сюжета или объекта изображения часто заменялись гипотезами-драматизациями и рассуждениями на общие темы. Среди содержательных интерпретаций преобладали неадекватные гипотезы. Вариант С продемонстрировал тенденцию к детализации, чрезмерную конкретность и опосредованность, характерные для познавательных процессов больных эпилепсией.

Данные, полученные при исследовании больных шизофренией, также резко отличались от нормы. Изменение мотивации заданий не влекло за собой изменения структуры деятельности и характера восприятия: в ус-

ловиях разной мотивации процесс восприятия характеризовался формальностью, отсутствием личностной пристрастности. В вариантах А и В кроме формальных ответов мы отмечали тенденцию к актуализации неадекватных гипотез. В варианте С больные не стремились к поиску правильного определения содержания картинки, а лишь констатировали, называли его. Задания не интересовали больных, они не замечали несоответствия между предлагаемой гипотезой и объективным содержанием изображения.

Аналогичные результаты выявились при исследовании больных с поражением лобных долей мозга. Изменение мотивации не вызывало у них изменения отношения к экспериментальному заданию, что в конечном итоге приводило к полному распаду деятельности. Активное, осмысленное восприятие сложных сюжетных и структурных изображений оказывалось невозможным. Это согласуется и с ранее полученными данными (Лурья, Зейгарник и др.).

Таким образом, *роль мотива в организации перцептивной деятельности различна в норме и патологии.* Эти различия обусловлены измененной у больных смыслообразующей функцией мотива.

Тема исследования, которую мы сформулировали как «мотивация и восприятие», является частью более общей проблемы о соотношении «аффекта» и «интеллекта», «личности» и «психических функций». Несмотря на долгий срок своего существования, она тем не менее не может считаться окончательно разработанной. Подтверждением тому служит недостаточная четкость, приблизительно раскрывающих ее понятий.

Данный в работе анализ зарубежных концепций свидетельствует о невозможности в рамках психоанализа найти механизм личностной детерминации восприятия. История развития этой проблемы демонстрирует отказ от постулируемых вначале положений, тенденцию к ассимиляции с другими теориями и подходами, и лишь выход за пределы психоанализа позволяет адекватно сформулировать проблему. Такая участь постигла само понятие «мотивация», в содержании которого когнитивные (познавательные) регуляторы поведения пришли на смену «глубинным» влечениям секса и агрессии. Подобная тенденция прослеживается и в эволюции теорий перцептивной защиты. «Гипотеза», так же как «стиль», — это прежде всего когнитивные регуляторы. Еще более заметна эта тенденция в концепциях проекции. Не случайно в этих направлениях, несмотря на внешние различия в терминологии, сложились сходные представления о механизмах аффективной регуляции. Установка или аналогичные ей образования стали рассматриваться как механизмы, опосредствующие влияние мотивации на восприятие.

В последние годы проблема мотивации за рубежом разрабатывается уже в рамках собственно когнитивных теорий, современном варианте необихевиоризма, как правило, объединяющем

подходы Э. Толмэна и К. Левина (Райан, 1970; Ирвин, 1971; Мэнис, 1971; и др.). Деятельностный подход, разрабатываемый в отечественной психологии, позволяет принципиально иным образом сформулировать проблему. Внешние (стимульные) и внутренние (могивационные) факторы не являются детерминантами восприятия: они — условия, необходимые для самого акта восприятия. Детерминантой и регулятором восприятия является деятельность субъекта, мотивы и задачи, которые она перед ним ставит. Восприятие же всегда входит в эту деятельность как процесс, реализующий более частные цели, но побуждаемый ее мотивом. Наш эксперимент позволил уточнить механизм мотивации восприятия. *Он состоит в переструктурировании деятельности и изменении «ранга» восприятия под действием установки.* Под установкой в данном случае мы понимаем отношение субъекта к задаче, возникшее под воздействием мотива деятельности.

Наша гипотеза находит подтверждение в данных патологии: там, где не удалось создать установку, структура деятельности оставалась неизменной, несмотря на ишпенне мотивации.

Наше исследование выявило также ряд особенностей восприятия, которые за неимением более подходящего термина можно рассматривать как «стили» перцептивной деятельности. Сюда можно отнести тенденции к актуализации неадекватных гипотез, гипотез драматизации и некоторые другие. Эти особенности, по-видимому, можно рассматривать как сложившиеся в деятельности больных системы компенсаторных установок.

Мы отдаем себе отчет в том, что многие из наших объяснений нуждаются в дополнительном обосновании и проверке, но на данном этапе работы мы не склонны рассматривать их иначе, как гипотезы, подтвердить или опровергнуть которые помогут дальнейшие исследования.

Литература

- Анохин П. К. Физиология и кибернетика. М., 1961.
- Анцыферова Л. И. Проблема восприятия в современной психологии капиталистических стран. «Советская педагогика», 1964, № 12.
- Баеи и Ф. В., Рожнов В. Е., Рожнова М. А. К современному пониманию психической травмы и общих принципов ее психотерапии. В кн.: «Руководство по психотерапии», под ред. В. Е. Рожнов. М., 1974.
- Бжалава И. Т. Восприятие и установка. Тбилиси, 1965.
- Биренбаум Г. В. К вопросу о соотношении смысловых и структурных компонентов восприятия. В сб.: «Исследования по психологии восприятия». М., 1948.
- Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии активности. М., 1966.
- Блейлер Е. А. Аутистическое мышление. Одесса, 1928.
- Богданов Е. И. Методика исследования особенностей зрительного восприятия в условиях неполноты информации. В сб.: «Вопросы экспериментальной патопсихологии». М., 1965.
- Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.
- Бондарева Л. В. Нарушения высших форм памяти. Автореф. канд. дисс. М., 1969.
- Братусь Б. С. Психологический анализ изменений личности при алкоголизме. М., 1974.
- Бремои К. Логика повествовательных возможностей. В сб.: «Семиотика и искусствознание». М., 1972.
- Бейн Э. С., Волков В. Н., Жирмунская Е. А. Электроэнцефалографические исследования в процессе узнавания предметных изображений при тахистоскопическом их предъявлении. «Вопросы психологии», 1968, № 3.
- Бурлачук Л. Ф. О проекции как принципе построения методов исследования личности. В сб.: «Вопросы диагностики психического развития». Тезисы симпозиума. Таллин, 1974.
- Выготский Л. С. К проблеме психологии шизофрении. «Советская невропатология, психиатрия и психогигиена», 1932, т. 1, вып. 8.
- Выготский Л. С. Проблема развития в структурной психологии. Вступительная статья к кн. К. Коффки «Основы психического развития». М.—Л., 1934.
- Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956.
- Гнляшева П. П. О возможности использования метода ТАТ при изучении личности больного в психоневрологической клинике. В сб.: «Психологические методы исследования в клинике». Л., 1967.
- Гиляровский В. А. Основные моменты в учении о шизофрении на данном этапе развития психиатрии. «Труды Всесоюзной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. С. Корсакова и актуальным вопросам психиатрии (20—27 мая, 1954 г.)». М., 1955.
- Запорожец А. В. (ред.). Восприятие и действие. М., 1967.
- Запорожец А. В. Роль Л. С. Выготского в разработке проблем восприятия. «Вопросы психологии», 1966, № 6.
- Зейгарник Б. В. Личность и патология деятельности. М., 1971.
- Зейгарник Б. В. Патология мышления. М., 1962.
- Зейгарник Б. В. Основы патопсихологии. М., 1973.
- Зейгарник Б. В., Биренбаум Г. В. К проблеме смыслового восприятия. «Советская невропатология, психиатрия и психогигиена», 1935, т. IV, вып. 6.
- Евлахова Э. А. Особенности восприятия сюжетов художественных картин учащимися вспомогательной школы. Автореф. канд. дисс. М., 1958.
- Киященко П. К. Апробация варианта методики ТАТ. В сб.: «Вопросы экспериментальной патопсихологии». М., 1965.
- Коган В. М., Роговин М. С. Проективные методы в современной зарубежной психологии личности и патопсихологии. «Журн. невропат. и психиат. им. С. С. Корсаков», 1964, т. 64, вып. 4.
- Лебединский М. (. О некотором отлсм...ч\ мышления и речи больных шизофренией. В со. Кппр'еы пепхилтршь-. М., 1959.
- Леонтьев А. П. Проблемы развития психики. М., 1959.
- Леонтьев Л. П. По:ребпосш, мошши и сознание. В сб.: «Материалы XVIII психологического конгресса». М., 1966.
- Леонтьев А. П. Деятельность и сознание. «Вопросы философии», 1972, № 9, 12.
- Леонтьев А. Н. Деятельность п лп'шосль. «Вопросы философии», 1974, № 4.
- Лурия А. Р., Карпов Б. А., Яриус А. Л. Нарушение восприятия сюжетных объектов при поражении лобных долей мозга. «Вопросы психологии», 1965, № 3.
- Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека. М., 1969.
- Лурия А. Р. (ред.). Лобные доли и регуляция психических процессов. М., 1966.
- Месрович Р. И. Экспериментальный анализ кривой работоспособности больных с маниакальным и депрессивным синдромами. «Советская невропатология, психиатрия и психогигиена», 1935, т. IV, вып. I.
- Мясищев В. Н. Работоспособность и болезни личности. «Советская невропатология, психиатрия и психогигиена», 1935, т. V, № 9—10.
- Ойзерман Е. Т. К вопросу об опосредованном исследовании личности. В сб.: «Тезисы докладов конференции «Проблемы патопсихологии». М., 1972.

- Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.— Л., 1932.
- Плотников В. В. Об одном виде нарушения восприятия при шизофрении. «Вопросы психологии», 1968, № 4.
- Понятие установки и отношения в медицинской психологии. Материалы симпозиума. Тбилиси, 1970.
- Прангишвили А. С. Исследования по психологии установки. Тбилиси, 1967.
- Проблемы и методы психофизики, под ред. А. Г. Асмолова и М. Б. Михалевской. М., 1974.
- Роговин М. С. Об особенностях сканирования больных шизофренией. «Журн. невропат. и психиат. им. С. С. Корсакова», 1971, 3, 4.
- Ротенберг-Ойзерман Е. Т. О некоторых направлениях в исследовании восприятия. «Вопросы психологии», 1971, № 2.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1940.
- Рубинштейн С. Я. Экспериментально-психологическое исследование обманов слуха. Автореф. докт. дисс. М., 1971.
- Савенко Ю. С. К обоснованию некоторых методик по изучению личности. В сб.: «Проблемы личности». Материалы симпозиума. М., 1969.
- Соколов Е. Н. Восприятие и условный рефлекс. М., 1958.
- Соколова Е. Т. О некоторых аспектах применения ТАТ для исследования личности. В сб.: «Вопросы диагностики психического развития». Тезисы симпозиума. Таллин, 1974.
- Соколова Е. Т. Нарушение мотивационного компонента восприятия. В кн.: Б. В. Зейгарник. «Основы патопсихологии». М., 1973.
- Теоретические проблемы психологии личности, под ред. Е. В. Шороховой. М., 1974.
- Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966.
- Фейсгейберг И. М. О некоторых своеобразных аномалиях восприятия. «Вопросы психологии», 1958, № 2.
- Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. М., 1925.
- Фрейд З. Я и Оно. Л., 1924.
- Ходжава З. И. Роль установки в интерференции навыков. «Вопросы психологии», 1961, № 4.
- Хомская Е. Д. О корковой регуляции движений глаз. «Вопросы психологии», 1963, № 3.
- Цуладзе С. В. О месте и значении проекционных методов в изучении личности. В сб.: «Проблемы личности». Материалы симпозиума. М., 1969.
- Чхартишвили Ш. Н. Влияние потребности на восприятие и установку. «Вопросы психологии», 1971, № 1.
- Элиава Н. Л. К вопросу о роли установок в процессах восприятия. «Вопросы психологии». 1961, № 1.
- Ярошевский М. Г. Психология в XX столетии. М., 1971.
- Ярбус А. Л. Роль движений глаз в процессе зрения. М., 1965.
- Allport G. W. Pattern and growth in personality. N. Y., 1961.
- Allport G. W. Personality — a psychological interpretation. N. Y., 1937.
- Allport G. W. The Ego in contemporary psychology. «Psychol. rev.», 1943, vol. 50, p. 451.
- Allport F. H. Theories of perception and the concept of structure. N. Y., 1955.
- Arieti S. Interpretation of schizophrenia. N. Y., 1955.
- Arnold M. B. Story sequence analysis. N. Y., 1962.
- Bellak L. The concept of projection. «Psychiatry», 1944, vol. 7.
- Bellak L. On the problem of the concept of projection. In «Projective Psychology» (ed. by L. Abt, L. Bellak). N. Y., 1950.
- Bohm E. Dcr Rorschach test. Bern—Stuttgart—Wien, 1974.
- Brown W. P. Conceptions of perceptual defence. «Brit. J. of Psychol. Monograph Supplements». Cambridge, 1961.
- Bruner J. S. On perceptual readiness. «Psychol. rev.», 1957, vol. 64.
- Bruner J. S. and Goodman C. Value and need as organising factors in perception. «J. of abn. and soc. psychol.», 1947, vol. 42, pt. 1.
- Bruner J. S. Perceptual theory and the Rorschach test. «J. Pers.», 1948, vol. 17.
- Bruner J. S., Krcch I). Perception and Personality. Durham, 1962.
- Bruner J. S. & Postman L. Emotional selectivity in perception and reaction. «J. Pers.», 1947, vol. 16.
- Cowan E. L. The Influence of varying degrees of psychological stress on problem solving. «J. of abn. and soc. psychol.», 1952, vol. 47.
- Dallenbach K. M. Attributive VS cognitive clearness. «J. exptl. Psychol.», 1920, vol. 3.
- Draguns I. G., Haley E. M., Phillips I. Studies of Rorschach content: a review of the research literature. «J. proj. tech.», 1967, vol. 31, pt. 1 2; 1968, vol. 32, pt. 1—2.
- Draguns J. G. Responses to cognitive and perceptual ambiguity in chronic and acute schizophrenics. «J. of abn. and soc. psychol.», 1963, vol. (H).
- Eriksen G. W. Some Implications for TAT. Interpretation arising from need and perception experiments. «J. Pers.», 1951, vol. 19.
- Eriksen C. W. Perceptual defense as a function of unacceptable needs. «J. of abn. and soc. psychol.», 1951, vol. 46.
- Eriksen C. W. Defense against egothreat in memory and perception. «J. of abn. and soc. psychol.», 1952, vol. 47.
- Eriksen C. W. The case for perceptual defense. «Psychol. rev.», 1954, vol. 61, p. 3.
- Eriksen C. W. and Lazarus R. S. Perceptual defense and projective tests. «Supplement to J. of abn. and soc. psychol.», 1952, vol. 47, p. 2.
- Eriksen C. W., Pierce J. Defense mechanisms. In: «Handbook of Personality theory and research» by E. F. Borgatta and W. W. Lambert (Eds). Chicago, 1958.
- Eraise P. In: «Les attitudes». Symposium. Paris. P. U. F., 1961.
- Frank L. K. Projective methods for the study of personality. «J. of psychol.», 1939, vol. 8.
- Frenkel-Brunswik E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable. «J. Pers.», 1949, vol. 18.
- Freud S. Formulations regarding the two principles in mental functioning. In: D. Rapaport. «Organisation and pathology of thought». N.Y., 1951.

- Gardner R. W. et al. Cognitive control: a study of individual consistencies in cognitive behavior. «Psychol. issues», Monogr. N. Y., 1959.
- Goldstein K. und Gelb A. Zur Psychologie des optischen Wahrnehmungs- und Erkennungsvorgangs». Psychologischen Analysen hirnpathologischer Falle auf Grund von Untersuchungen. Hirnverletzter, 1970.
- Hamilton V. J. Perceptual and personality dynamics in reaction to ambiguity. «Brit. j. of psychol.», 1957, vol. 48, pt. 3.
- Hartmann H. Ego psychology and the problem of adaptation. In: D. Rapaport. «Organisation and pathology of thought!». N.Y., 1951.
- Howes D. H. and Solomon R. L. Visual duration threshold as a function of word probability. «J. exper. Psychol.», 1951, vol. 41.
- Howie D. Perceptual defense. «Psychol. rev.», 1952, vol. 58.
- Irwin F. W. Intentional behavior and motivation. A cognitive theory. N. Y., 1971.
- Jenkin N. Affective processes in perception. «Psychol. bull.», 1957, vol. 54.
- Klein G. S. Perception, motives and personality. N. Y., 1970.
- Klopfer D., Davidson H. The Rorschach technique: an introductory manual. N. Y., 1962.
- La planehe J. et Pontalis J. H. Drlimination du concept freudii de projection. «Bull. de psychol.», 1963, vol. 225, XVI f, pt. 2—7.
- Lazarus R. S., Eriksen C. W., Fonda C. P. Personality dynamics and auditory perceptual recognition. «J. Pers.», 1951, vol. 19.
- Levine R., Chein I. and Murphy G. The relation of ulciii sity of a need to the amount of perceptual distortion. «J. Psv clml.», 1942, vol. 13, p. 283.
- Luchins J. S. An evaluation of some current criticisms of gestalt work on perception. «Psychol. rev.», 1951, vol. 58.
- Manis M. An introduction to cognitive psychology. USA, 1971.
- McClelland I. C., Atkinson .I. W. The projective expression of need: I. The effect of different intensities of the hunger drive on perception. «J. of Psychol.», 1948, vol. 25, p. 205.
- McClelland D. C., Atkinson J. V., Clark R., Lowell E. L. The Achievement Motive. N. Y., 1953.
- Minard J. Mooney W. Psychological differentiation and perceptual defense: study of the separation of perception from emotion. «J. of abn. and soc. psychol.», 1969, vol. 74 (2).
- Mucchielli R. La notion de projection. «Bull. de psychol.», 1963, vol. 225, XVII, pt. 2—7.
- Murray H. Exploration in Personality. N. Y., 1938.
- Nuttin J. Perception et personality «La Perception». Symposium de l'association de psychology scientifique de langue francaise. Paris, 1955.
- Perceptual changes in psycho-pathology. New Brunswick, 1961. Ittelson W. H. and Kutash S. B. (Eds).
- Postman L. Toward a general theory of cognition. In: J. H. Roher and M. Sherif (Eds). «Social Psychology at the Crossroads». N. Y., 1951.
- Postman L. and Brown D. R. The Perceptual consequences of success and failure. «J. of abn. and soc. psychol.», 1952, vol. 47.
- Postman L., Bruner J. S. and McGinnies E. Personal Values as Selective factors in perception. «J. of abn. and soc. psychol.», 1948, vol. 43.
- Postman L., Solomon R. L. Perceptual sensitivity to completed and incomplect tasks. «J. Pers.», 1950, vol. 18.
- apaport D. et al. Diagnostic psychological testing. Chicago, 1945—46.
- apaport D. Organisation and Pathology of Thought. N. Y., 1951.
- apaport D. The Collected papers of David Rapaport ed. by M. Gill. N. Y., 1967.
- odgers C. R. Client-centered therapy; the current practice, implications and the theory. Boston — Houghton, 1951.
- van T. A. Intentional behavior: an approach to human motivation. N. Y., 1970.
- Sauford R. N. The effect of abstinence from food upon imagined processes. A further experiment. «J. of Psychol.», 1936, vol. 3.
- Schafer R. Psychoanalytic interpretation in Rorschach testing: ilirory and application. N. Y., 1954.
- Schiler R. and Murphy G. The role of autism in figure — iooiind relationship. «J. exp. psychol.», 1943, vol. 32.
- Siberuan J. The problem of attention in research and theory in Schizophrenia. «Psychol. rev.», 1964, vol. 71, pt. 5.
- Smock C. D. The influence of psychological stress on the «into-b'lauce of ambiguity». «J. of abn. and soc. psychol.», 1955, vol. 50.
- So Il'iy C. M. and Murphy G. The Development of the per-eplnal World. N. Y., 1960.
- Spruce D. P. Success, failure and recognition threshold. «J. Per.», 1957, vol. 25.
- Sp, nee D. P. A New Look at vigilance and defense. «J. of abn. and soc. psychol.», 1957, vol. 54.
- Symouds P. Dynamic psychology. N. Y., 1949.
- Vernon M. D. A further study of visual perception. Cambridge Uiliver. Press, 1952.
- Verville E. The effect of emotional and motivational sets on the perception of incomplete pictures. «J. Genet. Psychol.», 1946, vol. 69.
- Weckowicz T.E., Blewett D. B. Size constancy and abstract thinking in Schizophrenic patients. «J. Mcnt. Sci.», 1959, vol. 105.
- Werner H., Wapner S. The Innsbruck Studies on distorted visual fields in relation to an Orgauisniic theory of perception. «Psychol. rev.», 1955, vol. 62.
- Witkin H. A. et al. Personality through perception. N. Y., 1954.
- Witkin H. A. et al. Psychological differentiation. N. Y., 1974.
- Woodworth R. Reenforcement of perception. «Amer. J. of Psychol.», 1947, vol. 60,

I
I

1

Оглавление

Предисловие

Глава I. Проблема мотивации познавательных процессов в зарубежной психологии	
Глава II. Экспериментальное изучение роли мотивационных факторов в восприятии	14
Глава III. Место проективных методов в исследовании мотивации и ее влияния на восприятие	31
Глава IV. Анализ клинико-экспериментальных расстройств восприятия	41
Глава V. Проблема мотивации познавательных процессов в советской психологии	
Глава VI. Исследование процесса восприятия в условиях разной мотивации	62
Глава VII. Апробация методики на здоровых испытуемых	
Глава VIII. Анализ деятельности и восприятия больных эпилепсией	82
Глава IX. Анализ деятельности и восприятия больных шизофренией	94
Глава X. Анализ деятельности и восприятия больных с поражениями лобных долей мозга	104
Заключение	114
Приложение	116
Литература	122

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТО

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
			!
12	15-я снизу	Мак-Чнни	Мак-Гйни
16	6-я сверху	С. Веркер	С. Вапнер
27	9-я снизу	сегмент	сегмент

Л к 608

Л. Т. СОКОЛОВА

МОТИВАЦИЯ И ВОСПРИЯТИЕ В НОРМЕ И ПАТОЛОГИИ

Редактор И. П. Шевцова
 Художественный редактор П. Ю. Кялмыковл
 Обложка художника К. Кусковя
 Техническим редактор З. С. Коидряшоил
 Корректоры С. С. Мазурская, Н. В. Тютюпл

Тематический план 1976 г. № 34

Сдано в набор 2/УП 1971) г. Подписано к печати 19/УП1 ГьЪ і „1-53”с
 Формат 84X108/2.2 Бумага тин. У> 1 (Фи.), печ. л. 4,0 Уел. иеч. л. 6,7
 Уч.зд. л. 61) П.:д. М- ЛТии Злк. Дф» Тираж 1711 ж . Пена 41 кое

!1.;дательство МОСКОВСКОЮ упиверел\сеі
 Москва, К-9, ул. Герцена, ”>.7.
 Ппрографн П.чд-ва МГУ. Москва, Лсшик кие і <>ii